

Вот эта иная небольшая
Модель прешитого платья

Фет.

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

О С Н О В А Н А   М . Г О Р Ь К И М

**МАЛАЯ СЕРИЯ
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ**

С о в е т с к и й   п и с а т е л ь

Ф. Т Ю Т Ч Е В

СТИХОТВОРЕНИЯ

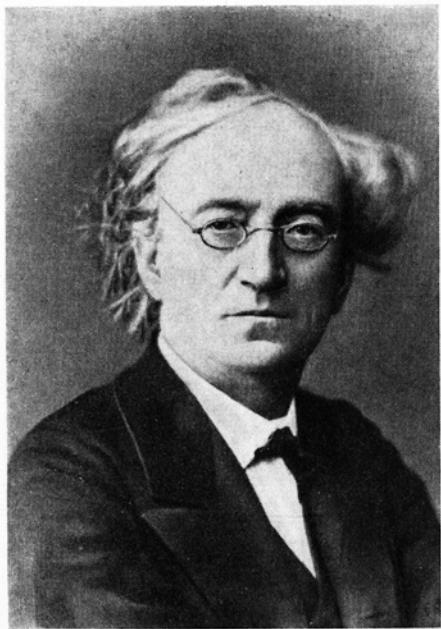
3

Старуха
Москва 1954г.

Л е н и н г р а д 1 9 5 3

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Д. Благого

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Поэтическое наследие Тютчева невелико. В противоположность большинству своих современников — от Пушкина до Некрасова — он не создал ни одного крупного произведения в стихах — ни поэмы, ни стихотворной повести. Эпические жанры были вообще ему чужды. Писал Тютчев только лирические стихи, притом чаще всего весьма небольшие по своим размерам. Лучшие его стихотворения заключают в себе обычно от 8—12 до 16—24 строк; некоторые же из них состоят всего лишь из пяти («Как дымный столп светлеет в вышине») — шести строк («Слезы», «Дума за думой»).

Да и стихов написано Тютчевым сравнительно немного. Но недаром столь широкую, почти пословичную известность приобрели слова Фета из его надписи на книжке стихотворений Тютчева:

...муза, правду соблюдая,
Глядит, — а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая,
Томов премногих тяжелей.

Действительно, небольшая книжка тютчевских стихов принадлежит к драгоценнейшим перлам русской лирики, ставящим имя их автора в число замечательных имен мировой поэзии.

Долгое время стихи Тютчева не пользовались широкой известностью. Зато к числу самых восторженных их ценителей принадлежали в эту пору почти все выдающиеся русские писатели и поэты — от Пушкина до Льва Толстого. Вокруг поэзии Тютчева и при жизни поэта и после его смерти возгорелась борьба двух общественно-политических лагерей — лагеря передового и лагеря реакции.

Представители реакционной школы так называемого «чистого искусства» 60—80-х годов стремились не только присвоить себе Тютчева, но и сделать его своим литературным вождем.

Неправомерность этих попыток лучше всего доказывается не только наличием в творчестве Тютчева весьма большого числа стихотворных откликов на самые что ни на есть злободневные общественно-политические темы и события его современности, но и той чрезвычайно высокой оценкой, которую давали тютчевской поэзии самые резкие и решительные противники «чистого искусства» — представители революционно-демократического лагеря.

Знаменательно в этом отношении, что с

первой развернутой и в высшей степени сочувственной критической оценкой стихов Тютчева, которая и обратила внимание читателей на этого, тогда совершенно не замеченного критикой и вообще одно время почти полностью забытого поэта, выступил не кто иной, как глава революционно-демократической поэзии Некрасов.¹ Вождь революционной демократии Чернышевский, не одобряя славянофильских стихов Тютчева периода войны 1854 года (очевидно, имеется в виду стихотворение «Теперь тебе не до стихов...»), в то же время, подчеркнуто и в полном согласии с оценкой Некрасова, называл его «истинным поэтом»,² выделяя его «прекрасные пьесы» из почти всей поэзии того времени.³ Наконец, ближайший соратник Чернышевского Добролюбов в одном из своих наиболее знаменитых и особенно значительных критических выступлений — статье «Темное царство» — прямо противопоставлял такому типичному и воинствующему представителю школы «чистого искусства», как Фет, талант которого «способен во всей силе проявиться только в уловлении мимолетных впечатлений от

---

¹ Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем. М., Гослитиздат, 1950, т. IX, стр. 204—221.

² Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. М., Гослитиздат, 1951, т. X, стр. 337.

³ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. М., Гослитиздат, 1948, т. IV, стр. 964.

тихих явлений природы», — широту и страстную отзывчивость поэтического дарования Тютчева, которому «доступны, кроме того, и знойная страсть, и суровая энергия, и глубокая дума, возбуждаемая не одними стихийными явлениями, но и вопросами нравственными, интересами общественной жизни». ¹ В другой значительнейшей своей статье, проникнутой страстным ожиданием революции — «Когда же придет настоящий день?», — Добролюбов вспоминает и полностью приводит, по всему видно, глубоко запавшее ему в сердце стихотворение Тютчева «Русской женщине». ²

В конце XIX — начале XX века представителями реакционных декадентских литературных направлений снова была сделана попытка полностью присвоить себе замечательное творческое наследие Тютчева, объявить его прямым предшественником и родоначальником «русского символизма». Соответственным образом, и совершенно искаженно, объясняли и перетолковывали Тютчева Мережковский, Бальмонт, Вячеслав Иванов и многие другие большие и малые деятели русского декадентства. В результате Тютчев стал восприниматься, как правило, именно сквозь эти декадент-

---

¹ Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений. М., Гослитиздат, 1935, т. II, стр. 52.

² Там же, стр. 238.

ские очки, что безусловно не соответствовало действительности и потому принесло немало вреда.

О несостоятельности этих попыток лучше всего свидетельствует огромная любовь в эту же пору к поэзии Тютчева одного из величайших русских писателей-реалистов, с непримиримой враждебностью и пренебрежением относившегося ко всем видам и проявлениям литературного разложения и упадка, творца «Войны и мира» и «Воскресения», автора воинствующего антидекадентского трактата «Что такое искусство?» — Льва Толстого. В составленном самим Толстым перечне поэтов, оказавших на него «большое влияние» в период от 20 до 35 лет его жизни, на первом месте находится Тютчев. Позднее, уже в последние годы жизни, Толстой прямо противопоставлял Тютчева, которого он считал одним из самых лучших русских поэтов, поэтам-декадентам — «стихотворцам, нам современным», «которые даже не знают, что такое поэзия и что значит то, что они пишут, и зачем они пишут». «Без него нельзя жить», — сказал как-то Толстой в это время о стихах Тютчева одному из своих собеседников.¹

Факт еще более знаменательный. Вслед

¹ См. об этом подробнее в моей статье «Читатель Тютчева — Лев Толстой». «Уrania», Тютчевский альманах 1803—1928. Л., 1928, стр. 224—256.

за Некрасовым, Чернышевским, Добролюбовым высоко ценил лирику Тютчева В. И. Ленин, относившийся к ней, по словам П. Н. Лепешинского, «с преимущественным благорасположением». ¹ Свидетельство это подтверждается тем, что в ряду книг, которые В. И. Ленин просил В. Д. Бонч-Бруевича доставить ему в Кремль, значится и томик стихов Тютчева. ²

Вскоре после Октябрьской революции В. И. Ленин высказался за необходимость постановки памятников великим деятелям освободительного движения и представителям передовой науки, передовой литературы и передового искусства — «тем мыслителям, поэтам, которых не хотела чтить буржуазия за свободу их мыслей и прямоту их чувства». ³ В соответствующем постановлении Совета Народных Комиссаров, подписанном В. И. Лениным, среди ряда великих имен значится и имя Тютчева. ⁴

---

¹ П. Н. Лепешинский. На повороте. 1922, стр. 97.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Ленин о художественной литературе. Журнал «30 дней», 1934, № 11, стр. 15.

³ А. В. Луначарский. А. Н. Радищев — первый пророк и мученик революции. 1918, стр. VIII.

⁴ «Список лиц, коим предложено поставить монументы в г. Москве и других городах Российской Федеративной Советской Республики». «Известия», 2/VIII 1918 г.

В 1920 году в бывшей подмосковной усадьбе Тютчевых, селе Муранове, был организован мемориальный музей Тютчева, представляющий собой один из замечательных памятников русской культуры.

Тютчев был человеком пушкинского поколения, принадлежал к той дворянской молодежи, которая была разбужена к сознательной жизни громом бородинских пушек, заревом пылающей Москвы, могучим народным подъемом Отечественной войны 1812 года. Великая любовь к родине, критическое отношение к существующему порядку вещей, мешающему ее росту и развитию, искреннее и глубокое сочувствие горю и страданиям русского народа, народа — освободителя Европы, изнемогавшего в тяжких цепях крепостничества, — все эти черты, составлявшие существеннейшую и неотъемлемую часть духовного облика Тютчева, роднили его с Пушкиным. Но, в отличие от певца декабристов Пушкина, Тютчев остался в стороне от самого передового движения своего времени — движения дворянских революционеров. В столкновении двух общественно-политических лагерей Тютчев стремился сохранить некую особую, независимую позицию — против «самовластья», но и против тех, кто с оружием в руках пытался бороться с ним. Но неумолимой логикой общественного развития, отбрасывающего назад тех, кто не хочет идти вперед,

Тютчев в решении ряда важнейших общественно-политических вопросов сомкнулся с реакционным славянофильским лагерем.

Со всем этим связаны резкие противоречия, свойственные как личности, так и мировоззрению Тютчева. Человек исключительно проницательного и тонкого ума — «умный, как день, Тютчев», восхищенно отзывался о нем близко знавший его И. С. Тургенев, — огромной пытливости мысли, широчайшей образованности, прекрасно видевший и понимавший всю затхлость и ничтожество той социальной среды — двора, света, — которая его окружала, он в то же время не только не оказался способным уйти из этой среды, но и стал утопистом-мечтателем славянофильского толка, поборником православия и самодержавия, автором реакционных политических проектов, призывавших к борьбе против западноевропейских революционных движений своего времени.

Все это определило и сложную противоречивость поэзии Тютчева. В поэтическом творчестве Тютчева имеются порой весьма резко выраженные элементы и того, что относится к прошлому, что навсегда и бесповоротно отжило, отошло, и замечательные элементы нового — того, что принадлежало будущему, что отмечено свободой мысли и прямоотой чувства, что сохраняет свою жизненность и ценность для наших дней.

Истинный поэт оказался в Тютчеве неизмеримо сильнее реакционного политика.

И не за декадентами, которые цеплялись за это прошлое и отжившее, стараясь именно в таком духе перетолковать всю тютчевскую поэзию в целом, следует нам идти в нашем понимании и оценке стихов Тютчева. Наоборот, никак не упрощая всей сложности, а порой и прямо противоречивости тютчевского творчества, не замалчивая слабых его сторон, должно прежде всего подчеркнуть сильные стороны его поэзии, которые были дороги в нем революционным демократам, которые вызывали благорасположение к нему со стороны В. И. Ленина.

1

Жизнь Тютчева охватывает собой больше двух третей XIX века — от самого его начала до 70-х годов. Наполеоновские войны, Отечественная война 1812 года, оставление Москвы и взятие Парижа, Венский конгресс и Священный союз, национально-освободительные движения в Испании, Италии, Греции, восстание декабристов и николаевская реакция, французская революция 1830 года, два польских восстания, «заговор» петрашевцев, революционные взрывы 1848 года, появление «Манифеста коммунистической партии» Маркса и Энгельса,

Крымская кампания и героическая оборона Севастополя, отмена крепостного права, выстрел Каракозова в Александра II и процесс Нечаева, возникновение Первого Интернационала, национально-освободительная борьба итальянцев под предводительством Гарибальди, воссоединение Италии и ликвидация светской власти пап, франко-прусская война, разгром Франции и образование Германской империи Бисмарка, Парижская коммуна — таковы важнейшие события русской и западноевропейской истории, современником и жадным, взволнованным свидетелем-очевидцем которых был Тютчев.

Все это бурное и стремительное, полное «роковых минут» истории — кризисов, потрясений, перемен — время, питавшее богатый и разнообразный духовный опыт Тютчева, на свой лад отзывавшееся в его сознании, явилось почвой и его лирики, как уже сказано — весьма сложной, порой прямо противоречивой, «полной тревоги» и вместе с тем исполненной глубины и бесстрашия мысли, страстной искренности и правды чувства, нашедших свое выражение в формах несравненного поэтического своеобразия и исключительной художественной прелести и красоты.

Именно эти-то три черты — глубину, правду чувства, своеобразие художественного выражения — так ценил в поэзии Тютчева Лев Толстой.

Федор Иванович Тютчев родился 5 декабря (23 ноября ст. ст.) 1803 года в орловском имении отца селе Овстуге, в небогатой, но родовитой дворянской семье. В Овстуге, представлявшем собой нечто вроде столь типичных для того времени дворянско-поместных Маниловок или Обломовок, и в Москве, куда Тютчевы переезжали на зиму, в атмосфере патриархального дворянского быта, векового неподвижно-старозаветного уклада — «предания и обычая» — проходило детство и отрочество будущего поэта, подраставшего, по справедливому указанию его биографа И. С. Аксакова, в той тепличной атмосфере баловства, беспечности, лени, которая выращивала стольких Маниловых и Обломовых. Позднее, и в свои студенческие годы и, в особенности, в годы дипломатической службы в Германии и в Италии, Тютчев уже очутился вне этой патриархально-дворянской атмосферы. Но она в какой-то мере продолжала сохранять над ним свою власть, определила некоторые черты его психического облика и способствовала развитию слабых сторон его общественно-политической идеологии.

Пейзажи средней полосы России, которые с такой поэтичностью были зарисованы позднее Тургеневым в «Записках охотника»,

окружали Тютчева с ранних лет. С этим, несомненно, связана последующая проникновенная любовь его к природе, одним из самых глубоких и тонких поэтов-художников которой он является нам в своих стихах. Был при мальчике Тютчеве и «Савельич» — дядька Николай Афанасьевич Хлопов, вольноотпущенный из крепостных, которого соединяла с его питомцем самая трогательная взаимная приязнь. Старик позднее сопровождал Тютчева на службу «в чужие края»; расставаясь с поэтом после его женитьбы, благословил его образом, на котором написал: «В память моей искренней любви и усердия к моему другу, Федору Ивановичу Тютчеву» (разрядка моя. — Д. Б.).

Всколыхнула полусонную жизнь семьи Тютчевых Отечественная война 1812 года, поднявшая самые широкие народные массы на защиту родины от иноземных захватчиков. Заслышав о приближении Наполеона к Москве, Тютчевы вместе со всем населением города не захотели остаться под властью неприятеля и выехали в Ярославль.

Вскоре после разгрома врага и возвращения в Москву к мальчику Тютчеву был приглашен в качестве домашнего воспитателя молодой поэт и переводчик С. Е. Раич (Амфитеатров). Незадолго до этого окончивший семинарию, Раич не пожелал идти по проторенному пути (отец его был свя-

щенником, старший брат стал киевским митрополитом), выбрав дорогу педагога и литератора. Воспитатель пришел в восхищение от одаренности своего девятилетнего ученика. «Необыкновенные дарования и страсть к просвещению милого воспитанника изумляли и утешали меня, — рассказывает он об этом в своей автобиографии и добавляет: — Года через три он уже был не учеником, а товарищем моим — так быстро развивался его любознательный и восприимчивый ум».

Биографы Тютчева указывают, что Раич сообщил ему превосходные знания в области классической древности, большим знатоком и страстным любителем которой сам он являлся, и привил вкус к стихотворству. Действительно, вскоре после появления Раича в доме Тютчевых начинает писать стихи и его ученик (первые стихотворные опыты Тютчева относятся к 1813—1814 годам). Однако в литературе о Тютчеве до сих пор не отмечалось одно весьма характерное обстоятельство. Раич был членом одной из самых первых декабристских тайных организаций — Союза благоденствия. В официальном «Алфавите членам бывших злоумышленных обществ» (так называемый «Алфавит декабристов») находим и его имя: «Раич. Сочинитель. По показаниям Бурцова и Никиты Муравьева, Раич был членом Союза благоденствия, но уклонился и не участвовал в тайных обществах, возникших

с 1821 года. Высочайше повелено оставить без внимания». Из этой записи видно, что вольнолюбивая настроенность Раича не отличалась ни устойчивостью, ни глубиной. Но все же наличие ее несомненно, и этого нельзя не учитывать, говоря о воспитательном воздействии учителя на его молодого ученика-«товарища». Несомненные следы этого мы обнаруживаем в ранних стихах самого Тютчева. В 1818 году на заседании Общества любителей Российской словесности профессор Московского университета поэт А. Ф. Мерзляков прочел стихотворение Тютчева «Вельможа» (было написано Тютчевым двумя годами ранее, то есть в возрасте всего тринадцати лет, под названием «На новый 1816 год»). Хотя в протоколах Общества это стихотворение значится как «Подражание Горацию», Тютчев на самом деле в своих проникнутых гражданским пафосом обличениях «грабителя» и «злодея»-вельможи следовал не столько Горацию, сколько автору знаменитой оды «Вельможа», «бичу вельмож», как называл его Пушкин, — Державину, влияние которого на молодого начинающего поэта сказывается и в других ранних тютчевских стихах. К этому же примерно времени относится встреча Тютчева с тем, кому Державин завещал свою «ветху лиру», — зачинателем русского романтизма в его пассивном, примиряющем с действительностью вариан-

те, В. А. Жуковским. Встреча эта произвела очень большое впечатление на Тютчева и запомнилась ему на всю жизнь.

В том же 1818 году, вскоре после прочтения Мерзляковым стихов Тютчева, в результате чего он был избран «сотрудником» Общества, молодой поэт поступил на словесное отделение Московского университета. Здесь он близко сошелся с одним из своих сокурсников, студентом-разночинцем, сыном крепостного крестьянина М. П. Погодиным. Позднее деятель наиболее реакционного крыла славянофильства, М. П. Погодин в это время был еще настроен оппозиционным и антикрепостническим образом. Несколько дошедших до нас записочек Тютчева к Погодину и в особенности записи о встречах с Тютчевым в дневнике самого Погодина дают представление о Тютчеве-студенте — о широте его интеллектуальных — философских и литературных — интересов, о развивавшейся в нем самостоятельной мысли, духе критицизма. Товарищи-студенты оживленно толкуют между собой «о немецкой, русской, французской литературе», «о характере Ивана IV» и исторических трудах на эту тему, о сенсационной литературной новинке — только что появившейся первой поэме Пушкина «Руслан и Людмила», о лекциях университетских профессоров. Тютчев явно неудовлетворен отсутствием исторической точки зрения в лек-

*

циях по литературе университетской знаменитости того времени профессора Мерзлякова; он считает, что «Мерзляков должен показать, какое влияние каждый писатель наш имел на ход» литературного развития, «чем именно способствовал к улучшению языка, чем отличается от другого». Не менее характерен интерес и высшая оценка Тютчевым «Слова о полку Игореве», незадолго до этого открытого. Ряд погодинских записей свидетельствует о «вольнодумной» настроенности Тютчева. Так, он беседует с Погодиным не только о «препятствиях у нас к просвещению» — тема весьма политически актуальная в период увлечения придворных кругов во главе с самим Александром I мистицизмом, гонений на науку, разгрома университетов, — но и «о молодом Пушкине, об оде его «Вольность», о свободном, благородном духе мыслей, появляющемся у нас с некоторого времени». Живой отклик вызвали у друзей известия о греческом восстании и, особенно, распространившиеся было слухи о том, что Пушкин, находившийся тогда в ссылке в Кишиневе, якобы «бежал к восставшим грекам». О несомненном сочувствии Тютчева «свободному, благородному духу мыслей» свидетельствует то, что он переписывает для себя последние строфы пушкинской оды «Вольность». Еще характернее в этом отношении стихотворное послание Тютчева ее автору —

«К оде Пушкина на вольность». Тютчев горячо приветствует в нем поэта, которого музы наградили «великим уделом» вещать «святые истины» закоснелым тиранам, звуки лиры которого, «огнем свободы пламенея и заглушая звук цепей», как божий пламень «ниспадали на чела бледные царей». Но тут же сказывается и явственное отличие будущего славянофила Тютчева от певца декабристов Пушкина. В концовку своих стихов Тютчев вносит значительную долю умеренности, призывая автора оды «Вольность» «не мрачить блеска венца» и смягчать, а не тревожить сердца монархов. Тем не менее несомненно, что в ожесточенных литературных спорах, которые вспыхнули как раз в это время вокруг поэзии Пушкина, Тютчев был всецело на его стороне. Характерно, что на том самом листке, на который Тютчев переписал строфы «Вольности», он набросал эпиграмму на одного из самых ожесточенных хулителей молодого Пушкина, профессора Каченовского, отрицавшего, кстати, и подлинность «Слова о полку Игореве». Вольномыслие юноши Тютчева проявлялось не только в политическом, но и в религиозном отношении. В старинном альбоме 20-х годов имеется за полной подписью Тютчева копия стихотворения «Противникам вина», иронически пересмеивающего библейские легенды о грехопадении, о Ное и его винограднике и т. п. Рядом с этим

находится эпиграмма, подписанная инициалами Ф. Т., которую новейшие исследователи также с большим основанием приписывают перу Тютчева:

Не дай нам духу празднословья.
Итак, от нынешнего дня
Ты в силу нашего условия
Молитв не требуй от меня.¹

С этим прямо перекликается одна из записей погодинского дневника; в ней рассказывается, как Тютчев вместе с Погодиным смеялись, слушая в церкви проповедь, в которой священник сказал, что «Вольтер, Даламбер и Дидро равны дьявольскому числу, упоминаемому в Апокалипсисе». Запись эта датирована 6 декабря 1821 года, а за несколько месяцев до того Тютчев, которому не исполнилось еще и восемнадцать лет, уже кончил университетский курс. Вслед за тем он поступил, как и Пушкин после окончания лицея, в коллегиию министерства иностранных дел в Петербурге (с начала 1822 года), а через несколько месяцев был причислен сверх штата к русской дипломатической миссии в столице Баварии Мюнхене, куда вскоре и отправился.

За границей, главным образом в Мюнхене, за исключением немногочисленных при-

---

¹ Б. Томашевский, Ю. Тынянов. Молодой Тютчев (неизданные стихи). Тютчевский сборник, 1923, стр. 40—47.

ездов на короткое время в отпуск в Россию, Тютчев провел двадцать два года. По своему служебному положению, а вскоре и по семейным связям (через четыре года по приезде в Мюнхен Тютчев женился на баварской аристократке, урожденной графине Ботмер) он вынужден был вращаться в придворно-аристократической среде. Однако среда эта глубоко не удовлетворяла поэта. По-настоящему близкую себе интеллектуальную атмосферу он обретал не здесь, а в общении с выдающимися деятелями философии и литературы.

Тютчев встречается и оживленно спорит на философские темы с пользовавшимся тогда европейской славой немецким философом-идеалистом Шеллингом, который начал с 1827 года читать лекции в мюнхенском университете. Около этого же времени он тесно сближается с Генрихом Гейне, называвшим «юного русского дипломата» «лучшим из своих мюнхенских друзей». Именно Тютчев первым стал знакомить с поэзией Гейне русских читателей, публикуя с 1827 года в альманахах и журналах ряд своих переводов его стихов. При этом Тютчев ценил Гейне не только как автора лирико-романтических «песен», но и как политического писателя, «ратника свободы». Так, он переложил белым стихом две странички гейневской прозы из третьей части «Путевых картин», вышедшей в 1828 году в Берлине

и тотчас же запрещенной прусскими властями. Переложение это представляет собой своего рода гимн восходящему «солнцу свободы», которое будет греть «живей и жарче», чем «аристократия светил ночных», и прогонит прочь «гносных сов и ларв подземных» — призраки и мрак средневековья.

Достаточно критически относился Тютчев и к политическому режиму, господствовавшему тогда в России. «В России канцелярия и казармы. Все движется около кнута и чина», — сказал он Погодину во время одного из своих приездов в отпуск в Россию летом 1825 года. Как видим, здесь дана исключительно точная и меткая характеристика царского военно-бюрократического строя. Знаменательно, что позднее буквально теми же словами определит николаевскую монархию Герцен: «Казарма и канцелярия сделались основаниями политической науки Николая». ¹ Слова Тютчева были сказаны всего за несколько месяцев до декабрьского восстания, во время которого он продолжал находиться в России. Однако критическое отношение к казарменно-чиновничьим порядкам царской России отнюдь не сделало Тютчева сторонником декабристов. Наоборот, в это время, как и в дальней-

---

¹ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. Лемке, 1919, т. VI, стр. 361 и 713.

шем, Тютчев является убежденным противником революционных способов изменения существующего общественно-политического строя. В бумагах Тютчева сохранилось его стихотворение под заглавием «14 декабря 1825 года». Стихотворение это двойственно. В нем звучит несомненное осуждение российского «самовластья», сравниваемого с «вечным полюсом», с «железной зимой»; звучит и эмоциональное сочувствие декабристам, пожертвовавшим жизнью за «безрассудную» попытку борьбы с самодержавием.

Все это делало тютчевские стихи явно цензурными: они смогли появиться в печати только через пятьдесят с лишним лет. Но наряду с этим Тютчев произносит в своем стихотворении и глубоко во всех отношениях несправедливый обвинительный приговор декабристам, опираясь в этом якобы на суд самого народа. Такую же двойственность находим и в стихотворении Тютчева, написанном пять лет спустя в связи с польским восстанием. Подобно Пушкину, автору «Бородинской годовщины», Тютчев считает, что подавление восстания было в политических условиях того времени необходимым для сохранения русской государственности. В то же время в явном противоречии, если не в прямой полемике, с бранными воплями реакционной печати того времени по адресу поверженных поляков, в ряде строк тютчевского стихотворения — и

это сделало его столь же нецензурным, как и стихи на 14 декабря, — звучит глубоко искреннее сочувствие страданиям польского народа. И снова «корану самодержавья» поэт стремится противопоставить «слово русского народа», торжественно обещая от его имени, что из «очистительного костра», на который пал «братскою стрелой пронзенный» «одноплеменный» польский орел, возгорится «общая свобода» обоих народов. Однако в понимании этой «общей свободы» уже сказываются те славянофильские взгляды и симпатии Тютчева, которые несколько лет спустя сложатся в нем в определенную политическую систему.

Отрицательно относившийся к российской бюрократической «канцелярии», Тютчев и сам мало заботился о своей служебной карьере. Поэтому, несмотря на расположение своего непосредственного начальства (русских посланников в Мюнхене), движение его по ступеням служебной лестницы совершалось довольно медленно, его обходили при новых назначениях и т. п. Мало того — не желая «вертеться» с остальными своими сослуживцами «около чина», Тютчев через некоторое время получил жестокий удар царского «кнута». За самовольную отлучку в связи со вторым браком на несколько дней со служебного поста (Тютчев временно заменял в эту пору русского посла в Сардинии) он был вовсе уволен со

службы и лишен камергерского звания. Не получил Тютчев вполне заслуженной им известности и как поэт.

В течение долгого времени существовала точка зрения на Тютчева как на типичного дилетанта от поэзии, относившегося к занятиям ею несерьезно и даже пренебрежительно, не искавшего литературного признания и не дорожившего им. Все это неверно. В одну из особо горьких минут своей жизни, в связи со страшным потрясением от смерти первой жены, Тютчев прямо называл в числе своих самых сильных привязанностей, в ряду того, что он любит «более всего в мире», — «отечество и поэзию». В годы своей мюнхенской светско-рассеянной жизни Тютчев все время не переставал писать стихи. О серьезной и упорной литературной работе свидетельствует очень большое количество сделанных им в эту пору стихотворных переводов. Перевел он и значительную часть «Фауста» Гете (перевод этот был случайно уничтожен самим Тютчевым в то время, когда однажды в сумерки он разбирал свои бумаги, и до нас дошло лишь несколько черновых отрывков). Время от времени стихи Тютчева появлялись в печати, начиная с 1827 года — систематически. Среди них были такие замечательные образцы его лирики, как «Весенняя гроза», «Цицерон», «Silentium!» Однако вследствие жизни Тютчева вне России,

отдаленности от русских литературных кругов, стихи его печатались во второстепенных изданиях — преимущественно в альманахах и журналах Раяча — и проходили малозамеченными. Имя Тютчева упоминалось в ряду имен других, большей частью второстепенных стихотворцев, в некоторых рецензиях и критических статьях. Но такими беглыми, попутными замечаниями дело и ограничивалось. Между тем, как всякий поэт, Тютчев естественно нуждался в читательской аудитории, в сочувственном внимании к себе критики. Поэтому он был глубоко взволнован, когда в 1836 году такое сочувственное внимание, казалось, наконец-то пришло. Один из мюнхенских друзей Тютчева, приехавший в Петербург и после настойчивых просьб получивший от поэта довольно значительное рукописное собрание его стихов, познакомил с ними сперва Вяземского и Жуковского, а затем и Пушкина. Все они дали тютчевским стихам самую высокую оценку. Непосредственно пушкинский отзыв о стихах Тютчева до нас не дошел, но П. А. Плетнев, в качестве «живого свидетеля», вспоминал о том «изумлении и восторге, с каким Пушкин встретил неожиданное появление этих стихотворений, исполненных глубины мысли, яркости красок, новости и силы языка». Другие очевидцы рассказывают, что Пушкин «носился» со стихами Тютчева

«целую неделю». Наглядным подтверждением всего этого является то, что небывало большое для тогдашних журнальных обычаев количество стихотворений Тютчева — целых 16 стихотворений, под общим названием, данным им Пушкиным («Стихотворения, присланные из Германии»), — было напечатано в III томе пушкинского «Современника», причем ими прямо и открывалась книжка журнала. Ряд тютчевских стихотворений был опубликован и в следующем, четвертом томе. Прервала на время дальнейшую их публикацию неожиданная трагическая гибель Пушкина, на которую Тютчев отозвался стихами, воочию показывающими, как исключительно глубоко, в свою очередь, ценил и понимал он Пушкина, именно как великого русского народного, национального поэта. Убийцу Пушкина Тютчев не обиняясь называет «цареубийцей» — сопоставление по тому времени совершенно политически недопустимое, чем, вероятно, и объясняется, что и это стихотворение смогло быть опубликовано только почти сорок лет спустя, и тоже лишь после смерти самого Тютчева.

Давая позднее восторженную оценку поэзии Тютчева, Тургенев выразился, что он «создал речи, которым не суждено умереть». Именно к таким речам полностью относится замечательная концовка тютчевского стихотворения о Пушкине:

Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

Вскоре Тютчев снова стал время от времени появляться в «Современнике», издание которого перешло теперь в руки одного из близких друзей Пушкина, П. А. Плетнева. Однако несмотря на то, что тютчевские стихи печатались в журнале в течение целых пяти лет (с 1836 по 1840 год), они — случай в своем роде беспримерный и единственный — не вызвали ни одного не только отзыва, но даже простого упоминания в тогдашней печати. Это, видимо, подействовало самым тягостным образом на поэта. В течение почти целого десятилетия (с 1841 по 1849 год) Тютчев не только совершенно прекращает дальнейшее печатание своих стихов, но на многие годы почти вовсе перестает их писать.

Уволенный со службы, непризнанный как поэт, Тютчев еще острее, чем прежде, ощущал свое глубокое внутреннее одиночество в окружавшей его светской среде (после своей служебной катастрофы он снова поселился в Мюнхене, где жила его вторая жена).

Все тягостнее переживал горячий патриот Тютчев и свою жизнь на чужой земле, в отрыве от родины. После того как несколько лет спустя ему удалось добиться служебной реабилитации, он в 1844 году окон-

чательно возвращается вместе с семьей в Россию, поселяется в Петербурге и снова зачисляется на службу в министерство иностранных дел. «Как могли вы вообразить, — пишет он вскоре после этого родителям, — что я опять оставляю Россию? Да если бы меня назначили посланником в Париж с тем, чтобы тотчас покинуть Россию, я бы поколебался принять».

В 40-е годы окончательно складывается славянофильское мировоззрение Тютчева, нашедшее выражение в ряде его публицистических статей и в многочисленных так называемых «политических стихах». Особенно ярко политическая концепция Тютчева разворачивается им в статье «Россия и революция», явившейся непосредственным откликом на западноевропейские революционные события 1848 года.

Не поняв исторического значения и социальной сущности революционных движений против существующего строя, видя в них лишь крайнее проявление антидемократического буржуазного индивидуализма — «апофеоза человеческого Я», — Тютчев создает реакционную славянофильскую утопию о «православной», «святой Руси», якобы являющейся победоносным оплотом против революционной Западной Европы. Это определило судьбу тютчевской публицистики: его статьи, политические стихи давно сданы в архив истории и бесповоротно

забыты. Рациональное зерно есть только в тех немногих тютчевских стихотворениях, в которых поэт горячо призывает к объединению всех славянских народов во главе с Россией против агрессивной прусской военины. Недаром одно из этих стихотворений — «Славянам» («Они кричат, они грозятся») — снова так сильно зазвучало в дни Отечественной войны советского народа против немецкого фашизма. Наконец, в некоторых стихах, в которые сам Тютчев вкладывал совершенно неприемлемый для нас публицистический смысл, поэт оказывается подчас неизмеримо сильнее реакционного политика. Таково, например, стихотворение «Море и утес», которое сам Тютчев непосредственно связывал с революционным 1848 годом, противопоставляя в образах «могучего утеса», «громадного гранита», недоступного натиску хлещущих, свищущих и ревуших волн, николаевскую Россию революционной Европе.

Но это реакционное аллегорическое приращение сейчас, без специальных пояснений, читателем даже и не воспринимается. Зато контрастные образы утеса и моря — натиска и отпора — даны Тютчевым с такой ни с чем несравнимой, совершенно исключительной художественной энергией и выразительностью, что Лев Толстой, который резко отрицательно относился к собственно политическим стихам Тютчева, называя их

«вздором», «чепухой такой, что ничего не поймешь», — стихотворение «Море и утес» правильно поставил в ряд лучших образцов тютчевской поэзии, отметив его в экземпляре сочинений Тютчева (издания 1886 года) условными буквами Т (специфически тютчевское своеобразие) и К (красота).¹

Впрочем, антиисторическая реакционная утопичность славянофильских надежд и упований Тютчева вскоре стала в какой-то мере ясна и ему самому. Особенно тяжелый удар нанесла им Крымская война 1854 года, воочию обнаружившая всю внутреннюю гнилость «фасадного», по выражению Герцена, николаевского режима. Гранитный «утес» самодержавной российской монархии на самом деле оказался трухлявым, насквозь изъеденным и источенным пнем. Словно повязка спала с глаз Тютчева. В письмах этого времени он не находит слов для передачи «невыразимого отвращения — тошноты, смешанной с бешенством», которые поднимаются в нем при виде того, что происходит. Он громит «шутовскую нелепицу, гниль и подлость» правящих сфер, «глупость, испорченность и злоупотребле-

---

¹ Так, по словам сына Толстого, Сергея Львовича, определял писатель стихотворения Тютчева. См. Д. Благой. Читатель Тютчева — Лев Толстой. «Урания», 1928, стр. 229—230; С. Толстой, Л. Н. Толстой о поэзии Ф. И. Тютчева. «Толстовский ежегодник», М., 1912, стр. 143 и 146.

ния» бюрократического чиновничьего аппарата, «уничтожение рассудка, притупление инстинктов, низость и невероятную ограниченность» высшего петербургского общества, наконец «чудовищную тупость» так чтимого им столь недавно царя Николая I. На смерть Николая он отзывается беспощадно злой эпиграммой, направленной против коронованного актера («Ты был не царь, а лицедей»).

Тютчев не понял, что в катастрофе, происшедшей у него на глазах, виноваты не столько лица, сколько система, но в его политических построениях образовалась несомненная трещина. Внешне поэт продолжает оставаться все тем же «московским Исайей», как его называли современники, участником заседаний и обедов «Славянского комитета», автором славянофильских стихов. Однако все это носит характер словно бы какой-то инерции. Задуманный Тютчевым в конце 40-х годов большой труд «Россия и Запад», в котором он хотел дать подробное итоговое изложение своей философско-политической системы, остается без всякого движения в его черновых бумагах. О славянофильских теориях — этом «бесполезном и смешном пережевывании общих мест» (письмо к жене 1870 года) он начинает к концу жизни отзываться с явной пронией. Почти все время, несмотря на свои монархические убеждения, находится

Тютчев в оппозиции и к правительственному режиму. Начав с конца 40-х годов работать в цензурном комитете, поэт, говоря его собственными словами, держит при литературе «не арестантский, а почетный» караул; больше того, он непрестанно изнутри воюет с «лицемерно-насильственным произволом» царской цензуры и ее тупоголовых исполнителей — этого «стада скотов», которые «осуждены роком жить и умереть безнаказанно в своем кретинизме»; в насмешливо-злой эпиграмме поэт клеймит «второго Аракчеева» — шефа жандармов пр. П. А. Шувалова и т. д.

После почти десятилетнего перерыва, с конца 40-х — начала 50-х годов, снова ярко разгорается замечательное поэтическое дарование Тютчева. Несомненно, очень большое ободряющее и вдохновляющее значение для поэта имело опубликование Некрасовым в 1850 году восторженной статьи об его стихах, напечатанных пятнадцать лет тому назад в «Современнике» Пушкина и Плетнева. Поэзия Тютчева наконец-то получила свою первую по-настоящему развернутую и справедливо высокую оценку. С изумлением отмечая, «что ни один журнал не обратил ни малейшего внимания» на тютчевские стихи, Некрасов не обинуясь ставит их «рядом с лучшими произведениями русского поэтического гения» — стихотворениями Пушкина, Лермонтова. Статья Некрасова

действительно вывела поэзию Тютчева из почти полного забвения. С 1850 года начинают появляться в журналах новые стихи Тютчева. В 1854 году, по настоянию И. С. Тургенева и под его редакцией, они впервые выходят отдельным сборником, предваряемым восторженным предисловием редактора.

Среди произведений второго периода литературной деятельности Тютчева особенно выделяется цикл любовных стихов, единственных в своем роде по страстной и скорбной нежности, силе страдающего чувства, проникновенной человечности, глубине психологического анализа. В основе цикла лежат реальные биографические факты: «на склоне лет» поэт полюбил молодую девушку Елену Александровну Денисьеву. Эта «последняя любовь» была самым большим, самым сильным чувством, когда-либо им испытанным. В то же время неприкрытая близость его и Денисьевой (у Тютчева было от нее трое детей, им усыновленных) скандализовала ханжески-лицемерные «светские» круги, навлекла на Тютчева неудовольствие «двора» и даже остановила его дальнейшее продвижение по службе. Особенно тяжело сложилась судьба возлюбленной поэта, осмелившейся, подобно Анне Карениной Толстого, пожертвовать своему чувству «приличиями» и пред-рассудками «света» и подвергшейся ожесто-

ченной травле. Все это сообщило отношениям Тютчева и Денисьевой глубоко трагический колорит. Без вины виноватый поэт ощущал себя «палачом», наносящим тяжкие неисцелимые раны своей любимой, считал себя главной причиной ее гибели. Смерть Денисьевой, умершей в 1864 году от скоротечной чахотки, явилась для Тютчева тягчайшим ударом, потрясшим все его существо: «Не живется, не живется, не живется», — твердит он снова и снова в своих письмах этого времени (см. связанные с Денисьевой стихотворения «Последняя любовь», «О, как убийственно мы любим», «Весь день она лежала в забытьи», «О, этот юг! о, эта Ницца» и мн. др.).

Могучая жизненность Тютчева помогла ему перенести и это испытание, но рана от него не заживала. Пытливость мысли, жадное внимание ко всем явлениям общественной жизни не ослабевают в нем до самого конца. Шестидесятилетним стариком он начинает посещать университетские лекции, за год до смерти проводит целые дни — с полудня до поздней ночи — на нашумевшем процессе Нечаева. Продолжает он вести и рассеянное «светское» существование. Но, по собственному признанию, своей «единственной целью» оно имеет «избежать во что бы то ни стало в течение восемнадцати часов из двадцати четырех всякой серьезной встречи с самим собою». Наряду с

обликом славящегося своим острословием блестящего светского «говоруна», биограф-очевидец И. С. Аксаков рисует нам другой образ Тютчева — одинокого поэта-мечтателя, который, неожиданно скрывшись со светского раута или придворного торжества, «с накинутым на спину пледом бродит долгие часы по улицам Петербурга, не замечая и удивляя прохожих».

В 1870 году умер старший, любимый брат Тютчева. «Передового нет, и я, как есть, на роковой стою очередь», — писал он в стихах, сложенных во время возвращения с похорон брата из Москвы в Петербург. «Роковая очередь» вскоре наступила и для самого поэта. В исходе 1872 года появились первые признаки приближающегося конца. На первых порах Тютчев, казалось, восторжествовал над смертельным недугом. 1 января 1873 года он даже отправился было сделать обычные новогодние визиты, но вскоре его привезли домой разбитого параличом, а 15/27 июля, после упорной и безнадежной борьбы со смертью, его не стало. Но и во время длительной и тяжелой предсмертной болезни, парализованный, с трудом владея языком, поэт сохранял удивительную ясность мысли и непрекращающийся интерес ко всему окружающему.

До нас дошел характерный рассказ очевидцев об одном из самых критических мо-

ментов его медленной агонии: «Его охватили судороги и сменились оцепенением. Все полагали, что он умер или умирает; но, недвижимый, почти бездыханный, он сохранял сознание. И когда через несколько часов оцепенение миновало, первый вопрос его, произнесенный чуть слышным голосом, был: «Какие последние политические известия?»»

3

В стихах Тютчева читателю открывается мир очень сложной, богатой и глубокой человеческой личности, живущей большой и сосредоточенной внутренней жизнью, жадно — страстным чувством — откликающейся на все «впечатленья бытия», упорно и настойчиво — острой мыслью — стремящейся разрешить все его «загадки».

Одна из основных черт лирики Тютчева — резко отрицательное отношение к окружающему, к той общественной — придворной и светской — среде, в которой проходит его внешняя жизнь, — глубокая неудовлетворенность атмосферой мелких дел, кругом мелких людей, подобно «глухонемому» («пойми, коль может, органа жизнь глухонемой!») неспособных ни заметить, ни оценить то великое, что, «как океан безбрежный», разлито вокруг них в природе, в человеке, в истории.

Уже в сравнительно ранних тютчевских

фией — служебным положением, общественными отношениями, вкусами, привычками, — Тютчев не мог.

Энгельс пишет о Гете: «Его темперамент, его силы, все его духовное направление толкали его к практической жизни, а практическая жизнь, которая его окружала, была жалка. Перед этой дилеммой — существовать в жизненной среде, которую он должен был презирать, и все же быть прикованным к ней, как к единственной, в которой он мог действовать, — перед этой дилеммой Гете находился постоянно...»¹ Перед подобной же дилеммой постоянно находился и Тютчев, с той лишь разницей, что определяющим в его психическом облике было не столько стремление к «практической жизни», сколько упорная, непрерывная работа пытливого, мятущейся, ни на чем не успокаивающейся мысли, удивлявшей самого поэта своим вечным, неустанным кипением:

О смертной мысли водомет,
О водомет неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятет?

«Истинному поэту», Тютчеву был свойствен высокий и подлинный гуманизм —

---

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Об искусстве. М.—Л., «Искусство», 1937, стр. 303.

любовь к человеку, к людям. В ряде своих стихов он чутко откликается не только на человеческие несчастья и горе вообще («Слезы людские, о слезы людские», «Пошли, господь, свою отраду»), но и на непомерные страдания большинства русского народа, закрепощенного крестьянства («Над этой темною толпой», «Эти бедные селенья»). Образ Христа, которым заканчиваются оба последние стихотворения и которым Тютчев тщетно пытается «прикрыть» «старые гнилые раны, рубцы насилий и обид» — примирить непримиримые социальные противоречия между угнетенными и угнетателями, — составляет несомненную слабость поэта, связанную с его ложными славянофильскими концепциями. Охотно подхватили славянофилы и строки о «смиреной наготе» и «долготерпенье» народа, стараясь убедить себя и других, что как раз в этом якобы и заключается существо русского национального характера. Но главное здесь в другом. В обоих стихотворениях с исключительной эмоциональной силой звучит не только горячая патриотическая любовь поэта к родному русскому народу, но и глубокое, искреннее сочувствие страданиям народным. Особенно ярко окрашено этим второе стихотворение («Эти бедные селенья»), непосредственно подсказанное поэту севастопольской обороной, обнаружившей, с одной стороны, самоуверенную и преступ-

ную бездарность и бессилие реакционного режима, с другой — великую героическую мощь простого русского народа. Недаром так высоко оценил эту «прекрасную пьесу» вождь русской революционной демократии Чернышевский,¹ а величайший украинский национальный поэт, певец крестьянской демократии Тарас Шевченко отметил в своих дневниковых записях: «...с наслаждением прочитал трехкуплетное стихотворение Тютчева «Эти бедные селенья» и тут же полностью его переписал».² Но Тютчев, который был всего четырьмя годами моложе Пушкина и на целых девять лет старше Герцена, сложился, в основном, как поэт и мыслитель в первый — дворянский — период развития русского освободительного движения, когда даже сами дворянские революционеры, боровшиеся за освобождение народа от цепей крепостничества, были страшно далеки от народа. При всем своем сочувствии народу страшно далеким от него оставался и Тютчев.

И вот, для того чтобы охранить, уберечь свою богатую духовную жизнь — «святилище души» — от вторжения, «вламыванья»

---

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. М., Гослитиздат, 1948, т. IV, стр. 964.

² Тарас Шевченко. Повне зібрання творів. Киев, издание Академии наук УССР, 1951, т. 5, стр. 116.

в нее «бесчувственной», «бездушной», «бесчеловечной» (все эти эпитеты принадлежат самому Тютчеву) придворно-светской толпы с ее «бессмертной пошлостью» («Толпа вошла, толпа вломила в святилище души твоей...»), поэт накрепко замыкается в самом себе, уходит в свой внутренний мир, погружается в свою «душевную глубину», в свои «тайные думы», выразительно приравняемые им к безмолвно проходящим по небу звездам. Именно это составляет пафос таких характернейших стихотворений Тютчева, как знаменитое «*Silentium!*», как «*Душа моя — Элизиум теней*», «*Душа хотела бы быть звездой*», — звездой, невидимой с земли, сокрытой от людских взоров «дымом палящих солнечных лучей».

Такой путь ухода в себя не был путем ни Некрасова, ни позднего Толстого. Но, продиктованный резко отрицательным отношением к паразитарным общественным кругам, к «свету», путь этот в какой-то мере был близок и понятен обоим.

Недаром Лев Толстой, с особенным сочувствием отмечавший в Тютчеве, что он «хотя и был придворным, но презирал придворную жизнь»,¹ так высоко ставил тютчевское «*Silentium!*», вводя его в порядке единственного исключения в свой «Круг

---

¹ Н. Н. Гусев. Два года с Толстым. Изд. 2. 1928, стр. 90.

чтения». ¹ «Что за удивительная вещь. Я не знаю лучше стихотворения», — говорил о «Silentium!» Толстой А. Б. Гольденвейзеру. ² Равным образом восхищался Толстой стихотворением «Душа хотела б быть звездой», находя в нем не только «глубину», как и в «Silentium!», но и особое, специфически тютчевское своеобразие выражения. ³

Не менее, если не более знаменательна высокая оценка «Silentium!», так же как стихотворений «Душа хотела б быть звездой» и, в особенности, «Душа моя — Элизиум теней», Некрасовым. Приводя, в ряду особенно выдающихся образцов тютчевской лирики, полностью все эти стихотворения, о последнем Некрасов писал: «Чрезвычайно нравится нам... следующее стихотворение, странное по содержанию, но производящее на читателя неотразимое впечатление, в котором он долго не может дать себе отчета». ⁴

---

¹ В первое издание «Круга чтения» Толстой включил всего три стихотворения: помимо «Silentium!», по одному стихотворению Пушкина и Братинского. Однако в последующих изданиях он оставил только «Silentium!»

² А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. 1922.

³ С. Толстой. Л. Н. Толстой о поэзии Ф. И. Тютчева. «Толстовский ежегодник», М., 1912, стр. 143, 145.

⁴ Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем. М., Гослитиздат, 1950, т. IX, стр. 218.

Стихотворение «Silentium!» настойчиво подавалось русскими декадентами как своего рода «литературный манифест» иррационализма, как проповедь-призыв к некоей мистической самопогруженности. На самом деле в этом стихотворении, как и в знаменитой, заостренно-поэтической строке-формуле «Мысль изреченная есть ложь», столь часто и охотно цитировавшейся декадентами, не заключено, как это видно всякому непредубежденному глазу, никакого отказа от сознания, «мысли» во имя торжества бессознательного. Здесь говорится лишь о том, как трудно «изречь» «мысль», выразить в точно соответствующих словах всю полноту и все богатство человеческого переживания — душевной жизни человека.

В свете всех этих восприятий и оценок, повторяем, особенно наглядными становятся для нас произвол и искажение смысла этих стихотворений со стороны русских декадентов, которые, вырывая их из контекста всего творчества Тютчева и ложно перетолковывая на свой лад, провозгласили их манифестами крайнего индивидуализма, солипсизма, отрицающего существование чего-либо, кроме собственного «я»; хотели видеть в них демонстративно подчеркиваемые проявления полного не только равнодушия, но и презрения поэта к людям, к явлениям общественной жизни.

Тютчев глубоко сосредоточивается в

себе самом, таит «и чувства и мечты свои» от пустой и пошлой светской «толпы», но эта самососредоточенность не имеет ничего общего с самодовольным отгораживанием от всего остального мира, замыканием в тесную скорлупу своего мелкого, узко-эгоистического личного мирка.

Вспомним глубоко верные слова Добролюбова о том, что в числе отличительных особенностей тютчевского таланта являются «и знойная страстность, и суровая энергия, возбуждаемая не одними стихийными явлениями, но и вопросами нравственными, интересами общественной жизни». И действительно, мы уже могли убедиться в том, какое значительное место «интересы общественной жизни» занимали в сознании Тютчева.

Особенно далек душевный мир автора «*Silentium!*» от самоуспокоенности и самодовольства. Наоборот, поэт сам остро страдает от своей вынужденной оторванности, отъединенности от окружающей общественной среды, мучительно ощущает себя «жертвой жизни частной», «бездомным сиротой» перед лицом «темной пропасти» — неизмеримой и прозной вселенной; осознает всю хрупкость и беспомощность одинокого, покинутого на самого себя «человеческого я»; стремится воссоединиться, слиться с миром, со всем окружающим. Именно этими чувствами, этими страстными порывами про-

«никнуты такие — из числа лучших — стихотворения Тютчева, как, с одной стороны, «Смотри, как на речном просторе», «Как дымный столп светлеет в вышине!», «Святая ночь на небосклон взошла», «Как неожиданно и ярко», с другой стороны — «Тени сизые смешались», «Весна» («Как ни гнетет рука судьбины») и др. Почти все эти стихотворения также были особенно высоко оценены Львом Толстым. И не проповедником самовлюбленного декадентского эгоцентризма и солипсизма, а, наоборот, вместе с Пушкиным, вместе с лучшими представителями передовой русской литературы, борцом против эгоистического индивидуализма, который он готов страстно бичевать и в себе самом, является автор стихотворений «Эти бедные селенья» и «Silentium!»

Говоря о Тютчеве, что он «хотя и был придворным, но презирал придворную жизнь», Лев Толстой метко схватил основное противоречие тютчевской биографии, определившее основные черты и мотивы его поэтического творчества. «Презирая придворную жизнь» и потому чувствуя себя глубоко чужим и одиноким в окружающем светском обществе, в котором вместе с тем силою обстоятельств он вынужден был оставаться, не будучи в состоянии перейти на позиции другого класса, Тютчев ищет утolenия, исхода из этого крайне для него тягостного, мучительного одиночества

в тесной связи с большим миром — с природой.

Ты к людям, ключ, спешишь в долину —
Попробуй, каково у них! —

обращается подымающийся на горную вершину поэт к сбегающему вниз ручью. Сам Тютчев стремится уйти от людей, погрузиться в «животворный океан» природы.

«Любовь к природе, сочувствие к ней, полное понимание ее и умение мастерски воспроизводить ее разнообразные явления — вот главные черты таланта г. Ф. Т.», — писал Некрасов о стихах Тютчева, опубликованных в пушкинском «Современнике».¹ Действительно, необыкновенно чуткая, утонченно-художественная поэзия природы составляет один из основных и наиболее замечательных разделов тютчевского творчества.

Своего рода эпиграфом ко всему этому разделу может служить программно-философское стихотворение Тютчева «Не то, что мните вы, природа», открывающееся взволнованным и резко полемическим обращением к тем, кто не чувствует жизни природы, для кого природа — лишь «слепок», лишь «бездушный лик». Полемическая направленность этого стихотворения Тютчева имеет

---

¹ Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем. М., Гослитиздат, 1950, т. IX, стр. 213.

двойной адрес. «Вы» стихотворения — это, с одной стороны, приверженцы теологических, традиционно-церковных представлений, согласно которым все, что ни совершается в природе, происходит не по ее собственным, присущим ей законам, а осуществляется путем некоего вмешательства извне, произволением господа бога — «творца». К этим-то представителям примитивного церковного мышления и обращен иронический вопрос поэта:

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?..

В первоначальном варианте, опубликованном в пушкинском «Современнике», было: «чудных», то есть чудесных сил. То, что стихи Тютчева бьют здесь именно по ортодоксально-церковному мировоззрению, наглядно свидетельствуют восемь строк точек, которые издатель «Современника», Пушкин, демонстративно, несмотря на решительные возражения цензора, поставил на место двух выкинутых по требованию цензуры строф, к сожалению для нас так и утраченных: автографа стихотворения не сохранилось. В этих двух строфах, из которых одна непосредственно предшествует, а другая сразу же следует за только что процитированными

строками, данный адресат стихотворения, очевидно, был обозначен гораздо прямее и определеннее, что и вызвало грубое вмешательство цензуры.

Скудость и ограниченность церковно-теологического мышления резко подчеркнута Тютчевым и в другом его стихотворении — «И гроб опущен уж в могилу», напечатанном в следующей же книжке «Современника» и не тронутом цензурой, конечно, лишь потому, что в нем говорится не о православном священнике, а о лютеранском пасторе. Теснящейся над свежерытой могилой «толпе» («толкуются, дышат через силу, спирает грудь тлетворный дух»), «умной» и «пристойной» надгробной речи «ученого» и «сановитого» пастора, который «вещает бренность человечью, грехопадение, кровь Христа» (подчеркнутые мною разрядкой слова носят нескрываемо иронический характер), противопоставлена вечно живая беспредельность природы:

А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей,
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой.

Но у стихотворения «Не то, что мните вы, природа» есть и другой адресат — вульгарные механистические представления о

*

природе как о голом механизме, бездушной машине.

В своем восприятии и одновременно осмыслении вселенной Тютчев стирает якобы непроходимую грань между человеком и природой, включает человека в общую систему явлений природы.

Высокопоэтическое восприятие природы в стихотворении «Не то, что мните вы, природа», конечно, проникнуто объективным идеализмом, подсказанным ложными натурфилософскими теориями о всеобщей одушевленности природы, о так называемой «мировой душе». Но зато в этом восприятии природы есть те ярко выраженные элементы диалектичности, вообще составляющие, как дальше увидим, наиболее своеобразную и значительную черту тютчевской поэзии, которой лишен не только метафизический дуализм Декарта, но и современный Тютчеву метафизический материализм домарковского периода.

В. И. Ленин в своих «Философских тетрадах» замечает: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм. Диалектический идеализм вместо умный; метафизический, неразвитой, мертвый, грубый, неподвижный вместо глупый».¹

---

¹ В. И. Ленин. Философские тетради. Издательство ЦК ВКП(б), 1934, стр. 282.

В восприятии Тютчевым природы нет ничего неподвижного, мертвого: все движется, «дышит», живет.

С уничтожением и стиранием грани между природой и человеком непосредственно связано столь излюбленное Тютчевым, проходящее через такое большое число его стихотворений параллельное отождествление того, что совершается в природе, и того, что происходит в душе человека, и наоборот. Поэт описывает, например, особое предгрозовое состояние природы, когда в душном затишье воздуха ощущается все ближе надвигающаяся гроза, когда «за белой дымной тучей» глухо прокатывается гром и небо опоясывается летучей молнией, когда «жизни некий преизбыток в знойном воздухе разлит», а затем тут же дает образ молодой девушки, тоже волнуемой приближением еще неведомых ей, но все более и более властно и неодолимо закипающих в ее груди чувств — весенней грозы страстей. Таким сопоставлением картина грозы в природе как бы очеловечена, образ «девы», наоборот, так сказать, «оприроден». Причем всем этим достигнута не только высокая художественная выразительность, но и — пластически, в ярких наглядных образах — подсказывается все та же излюбленная Тютчевым философская мысль о целостности мира, об единстве человека и природы. Мысль эта внушается и композицией стихотворения,

совершенно симметричным построением — членением на две равные половины: три строфы отданы описанию грозы, три — образу девы. С такой же строго взвешенной и рассчитанной симметрией строится и ряд других стихотворений Тютчева («Поток сгустился и тускнеет», «Еще земли печален вид», «Дума за думой, волна за волной» и др.).

Но даже и в тех тютчевских стихотворениях, в которых нет такого явного сопоставления природы и человека, которые дают лишь описание того или иного явления природы, представляют собой, говоря о них словами Некрасова, «пейзажи в стихах», — ощутимо все то же, глубоко поэтическое и вместе с тем философское созерцание поэта, объединяющее природу и человека в одно нерасторжимое целое.

Вот, например, одна из тютчевских лирических миниатюр, приводимая Некрасовым в качестве такого «пейзажа в стихах»:

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?

Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей...
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой.

Поэт не дает здесь никаких прямых соответствий. Но разве не возникает у читателя за тонким и четким рисунком этой ивы, трепетно склонившейся над быстро бегущей мимо рекой, другой образ — образ человека, тщетно пытающегося задержать, остановить неудержимо мчащийся вперед поток времени.

«Превосходная картина!» — восторженно восклицает Некрасов, выписывая другой тютчевский «пейзаж в стихах» — стихотворение «Осенний вечер» («Есть в светлости осенних вечеров»), каждая строка которого, по его словам, «перл, достойный любого из наших великих поэтов», — и взволнованно продолжает: «Каждый стих хватается за сердце, как хватают за сердце в иную минуту беспорядочные порывы осеннего ветра; их и слушать больно, и перестать слушать жаль» — образ, кстати сказать, явно навеянный другим стихотворением Тютчева «О чем ты воешь, ветер ночной?»; которое Некрасов также приводит в конце своей статьи. «Впечатление, которое испытываешь при чтении этих стихов, — пишет дальше Некрасов, — можно только сравнить с чувством, которое овладевает человеком у постели молодой умирающей женщины, в которую он был влюблен». Насколько такое волнующе-эмоциональное и вместе с тем высокочеловечное и потому подлинно поэтическое восприятие этой «картинки» природы,

действительно принадлежащей к числу лучших стихотворений Тютчева, глубже и вернее толкований русских декадентов, которые с точки зрения своей кладбищенской философии утверждали, что в этих тютчевских стихах якобы сказывается неудержимое влечение поэта к ущербу, разложению, смерти.

Одушевление, очеловечение природы, которым проникнута вся тютчевская поэзия, конечно, романтично. Но это отнюдь не значит, что правы те критики, которые непосредственно связывали лирику Тютчева с творчеством немецких романтиков или с поэзией Жуковского. Стихи Тютчева, опубликованные в «Современнике» в 1836—1837 годах, несомненно обнаруживают близкое знакомство поэта не только с немецкой поэзией от Гете и Шиллера до автора «Книги песен», но и с немецкой идеалистической философией и ее диалектическим методом, бывшим в ту пору — период до Маркса и даже до Фейербаха на Западе, до Белинского и Герцена в России — своего рода «последним словом» мировой философской мысли. Но полностью прав Некрасов, который с самого начала подчеркивал, что стихи Тютчева не только написаны «чистым и прекрасным» русским языком, но и несут на себе «живой отпечаток русского ума, русской души». Еще менее основательно сближать Тютчева с Жуковским. На

самом деле, подчеркнута «земная» романтика природы Тютчева не только не связана, но и, несомненно, противостоит как мистическому романтизму иенских романтиков, так и потустороннему, «небесному» романтизму Жуковского. Прямой полемикой с этим «бесплотным» мистическим романтизмом звучит начало одного из характерно тютчевских стихотворений:

Нет, моего к тебе прироста
Я скрыть не в силах, мать Земля!
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я.

Эта горячая сыновья преданность «матери Земле» — зримому, осязаемому, чувственно воспринимаемому миру — и дала возможность Тютчеву, ощущающему такую кровную интимную связь со всем его окружающим, разговаривающему на «ты» с ветром, ночью, рекой, дубравой, горным ключом, весной, морем, вечерним сумраком, жаворонком, ивой, стать таким проникновенным, таким единственным в своем роде поэтом природы. «Он горячо любит ее, прекрасно понимает, ему доступны самые тонкие, неуловимые черты и оттенки ее, и все это превосходно отражается в его стихотворениях», — справедливо замечает о Тютчеве Некрасов.

Фет с восхищением писал о «дерзновен-

ной отваге» тютчевских образов, о «ненаглядности» некоторых вполне тютчевских слов. И действительно, для описания самых обычных явлений природы Тютчев находит образы, краски, определения, слова, поражающие по смелости, точности и исключительной художественной выразительности.

В одном из совсем ранних и потому еще художественно слабых своих стихотворений «А. Н. Муравьеву» («Нет веры к вымыслам чудесным») восемнадцатилетний поэт горько сожалел об утрате современным человеком живого, непосредственного созерцания действительности, свойственного «древним народам», которые «книгу матери природы читали ясно, без очков», и нашедшего свое выражение в таком замечательном в своем роде явлении поры «детства человеческого общества» (Маркс), как античная мифология. Всякого рода мифологическими реминисценциями, как известно, были до отказа переполнены произведения поэтов XVIII — начала XIX века — эпохи русского классицизма. Но весь этот мифологический реквизит носил условный, чисто литературный характер. В «дерзновенной отваге» иных образов Тютчева словно бы и в самом деле оживают, притом совсем на свой, особый лад, отголоски древних мифов. Широко известен античный миф о титане, обреченном подпирать своей головой небесный свод. Но как смело и своеобразно, с какой

непосредственной, почти мускульной ошутимостью претворяет этот миф Тютчев в своем стихотворении «Летний вечер»:

Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила...

В последующей строфе образы, подсказанные тем же мифом, обретают новое и еще более «дерзновенное» развитие:

Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.

А какими свежими, словно омытыми веселым весенним ливнем красками сверкает знаменитая мифологическая концовка «Весенней грозы»:

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Сколько жизни и движения в не менее знаменитых «Весенних водах», представляющих собой как бы новый, национально-русский вариант мифа о победном и торжественном шествии весны.

Однако еще более несравненным мастером-живописцем природы предстает нам Тютчев в тех своих стихах — и чем он становился художественно зреее, тем их оказывалось все больше, — которые не содержат в себе никаких мифологических элементов, но зато отличаются предельной точностью и тонкостью словесного рисунка, создающего образы столько же глубоко поэтические, сколько и правдивые, реалистические.

Вот, например, начало стихотворения «Первый лист»:

Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьям молодым
Стоят обвеяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачную, как дым. . .

Никто никогда до Тютчева не употреблял глагола «обвеяны» в таком применении, а между тем едва ли можно найти другое слово, более точно передающее зрительное впечатление от молодой распускающейся березовой листвы. Причем впечатление это еще более поддерживается и укрепляется целой серией следующих за словом «обвеяны» искусно подобранных синонимических эпитетов: «воздушная», «сквозная», «полупрозрачная».

К таким же единственным по своей точности словам принадлежит обозначение, най-

денное Тютчевым для образа радуги: «И в высоте и знемогла» («Как неожиданно и ярко») или для описания рассвета: «Ночь испарится над землей» («Декабрьское утро»).

Но тончайший поэт-живописец, поэт-художник, Тютчев, как уже сказано, является почти во всех своих стихах и поэтом-философом.

Мир, природа, человеческое «я» ощущаются Тютчевым не только в их взаимной связи — «всё во мне и я во всем», — но и как единство противоположных, взаимно противоборствующих сил. В мировом порядке и строе поэт чувствует притаившийся «хаос», который «шевелится» и в глубинах человеческой души; в «дне» для него затаена «ночь», в «избытке» жизни кроется смерть. Любовь — «съединенье, сочетанье» «двух любящих сердец» — одновременно и их «борьба», их роковой «поединок». Соответственно с этим мир воспринимается Тютчевым не в его статике, а в его динамике, не как застывшее, неподвижное явление, а как беспрестанный процесс. Все непрерывно движется, меняется и вокруг поэта и в нем самом. Излюбленный «природный» мотив Тютчева — переход от дня к ночи и от ночи к дню — картины вечера, утра, сумерек, рассвета; от одного времени года к другому — картины осени, весны; от грозы — к успокоению, и наоборот. С особенной

остротой ощущает Тютчев и стремительную динамику человеческой жизни («Из края в край, из града в град...»). Его излюбленный «человеческий» мотив — противоречивая сложность и вместе с тем текучесть, изменчивость человеческой психики. Жуковский, печальясь о смерти близкого человека, утешает себя тем, что его образ навсегда будет жить в любящем сердце: «Для сердца минувшее вечно». Тютчев с присущей ему беспощадной честностью и прямоотой анализа мучительно скорбит о постепенном вымирании в его душе всех, даже самых дорогих воспоминаний:

Как ни тяжел последний час —
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья, —
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья.

Чернышевский высоко оценил в творчестве Льва Толстого умение писателя видеть и показывать сложные и противоречивые процессы человеческой психики — «диалектику души». «Диалектика души» раскрывается и в ряде стихотворений столь ценного Львом Толстым Тютчева, в особенности в цикле его любовных стихов, связанных с именем Е. А. Денисьевой. Еще важнее и значительнее то, что в поэзии Тютчева нашла весьма своеобразное отражение и диалектика природы.

Восприятие Тютчевым действительности в движении неминуемо требовало и новых художественных средств для его выражения. И, смелый новатор, Тютчев создает их. Прежде всего в ряде случаев он отказывается от основного требования традиционного классического стихосложения — строго сохранять на протяжении всего произведения раз выбранный поэтом определенный стихотворный размер: ямб, хорей, анапест и т. д. Два таких значительных стихотворения Тютчева, как «Silentium!» и «Сон на море», написаны сочетанием различных двусложных и трехсложных размеров. Особенно поразительную картину дает в этом отношении «Сон на море», в котором поэту удается добиться полного соответствия между ходом образов и в высшей степени «дерзновенным» — сложным, можно сказать симфоническим — метрическим построением стихотворения. Параллельно тому как в «видения и грезы» поэта, спящего на качаемом бурным морем челне, врывается «хаос звуков» — «свист ветров», «грохот пучины морской», — резко меняется и стихотворный размер: в уравновешенно-спокойные амфибрахий «сна» (— ' —) вторгаются дактили (— ' —) и анапесты (— — '). чередованием своих то падающих, то поднимающихся стоп в подлинном смысле этого слова «звукосписующие» размах колеблющихся волн, дикий разгул разбушевавшейся стихии.

Равным образом в ямбический строй «Silentium!» поэтом симметрично — на точно расчисленных местах — вводятся амфибрахические строки (4-я и 5-я строки 1-й строфы и 5-я — 3-й, последней). Отдельные метрические перебои, также несущие в себе особую, исключительно тонкую художественную выразительность, встречаем и в некоторых других стихотворениях Тютчева («Как птичка раннею зарей» — 15-я строка, «Последняя любовь» — ряд строк, и в особенности 12-я строка).

Смелые метрические нововведения Тютчева не были признаны подавляющим большинством современников поэта. Пушкин опубликовал и «Сон на море» и «Silentium!» в подлинной тютчевской редакции. Однако в первом отдельном издании стихов Тютчева, вышедшем в 1854 году под редакцией И. С. Тургенева — сам поэт непосредственного участия в нем не принимал — и послужившем основой для всех последующих дореволюционных изданий, отступления от общепринятого стихосложения были отвергнуты, и «беззаконные» тютчевские строки вправлены в однородный стихотворный размер.

Непонятными показались многим и некоторые своеобразные стилевые особенности поэзии Тютчева, также связанные с его новым восприятием действительности. Так, в одном из критических отзывов были же-

стоко высмеяны такие действительно несообразные с точки зрения только формально-логического мышления, но в своем роде удивительно тонкие и точные эпитеты Тютчева, как «м г л и с т ы й полдень» («Лениво дышит полдень мгlistый»), как «с у м р а ч н ы й свет» звезд:

Тихой ночью, поздним летом
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...

«Эти любопытные эпитеты, — плоско острял критик, — могут смело поспорить с знаменитым двустишием: «во светлой мрачности лазоревых ночей».¹ Однако некоторые более чуткие современники угадывали за этой кажущейся «бессмысленностью» «какую-то небывалую новизну», некий «новый угол зрения» на мир.²

Лирика Тютчева, с ее глубоким философским проникновением в сущность бытия, с ее восприятием жизни не в статике, а в бесконечном движении, во всеобщей связи явлений, была новым и важным этапом в развитии нашей литературы.

---

1 «Пантеон», 1854, кн. VIII, отд. 5, стр. 5—6.

2 См. неподписанную статью неизвестного автора «Стихотворения Ф. Тютчева», «Отечественные записки», 1854, кн. VIII, отд. IV, стр. 55—75.

Правда, даваемая Тютчевым под этим «новым углом зрения» картина мира существенно ограничена, а во многом и прямо искажена его общественно-политической позицией.

Отойдя внутренне от своей социальной среды и не будучи способным перейти на позиции другого класса, поэт, как уже сказано, тщетно ищет выхода из этого в своих реакционных славянофильских теориях, иллюзорность которых сам же в душе сознает. Все это обуславливает идеалистическую по своему существу и вместе с тем пессимистическую окраску мировоззрения Тютчева, находящуюся в явном противоречии с непосредственно оптимистическим, порой мажорно-приподнятым чувством действительности, внушившим поэту его «Весеннюю грозу» или знаменитые «Весенние воды» — стихотворение, в котором Некрасов находил столько «жизни, веселости, весенней свежести» и с которым по своей тональности прямо перекликается не менее знаменитый позднейший «Зеленый шум» самого Некрасова.

Воспринимая мир как непрерывное движение, Тютчев не осознает это движение как движение вперед, как развитие. Мировое движение предстает поэту как «тот же все вечный прибой и отбой, тот же все призрак тревожно-пустой». Таким же «тревожно-пустым призраком» кажется ему вечно мятущ-

щийся «водомер» человеческой мысли, людские «призрачные годы». Человеческая деятельность для него — «напрасный труд», «безнадежная борьба», «подвиг бесполезный» («Два голоса», «От жизни той, что бушевала здесь»).

Но наличие в стихах Тютчева несомненных и ярко выраженных элементов диалектического восприятия мира, диалектического мышления, несомненно, составляет одну из замечательных черт его лирики, сообщая ей единственное в своем роде своеобразие и подлинно философскую глубину. Именно поэтому Тютчев по праву, больше чем кто-либо из его современников, может быть назван поэтом-философом.

Отражение в поэзии Тютчева диалектики природы и человека, связанное с общим развитием в ту пору мировой философской мысли, выросло на почве современной ему исторической действительности, той «революционной эры», в которую, как он не только считал, но и всем своим существом ощущал, человечество вступило начиная с июльской революции 1830 года.

В еще большей мере, чем Лев Толстой, Тютчев не понял и не принял революционного движения своего времени. Но он был большим художником, «истинным поэтом», и насыщенная революционным электричеством, грозная атмосфера, в которой он жил и творил, своеобразно отразилась в его

*

поэзии, окрасила ее в совсем особые, специфические тона.

Лирика Тютчева до краев насыщена «тревогой» — грозowymi ритмами «роковых дней» обреченного старого мира. Если отличительной чертой дарования Фета, именно ею, по существу, и ограниченного, является «уловление мимолетных впечатлений от тихих явлений природы» (вспомним слова об этом Добролюбова) — Тютчева, наоборот, особенно притягивали к себе бурные моменты природной жизни, моменты стихийных катастроф — «катаклизмов», «страшные песни» хаоса, мотивы «полного грозой» неба, бушующего моря, свистящих и воющих ночных ветров. В человеческой жизни поэта также особенно влечет состояние высшего напряжения всех душевных сил, «избытка ощущений» — миги страсти, «бунта» крови («Близнецы»), героика борьбы («Два голоса»).

С исключительной силой выражено это в одном из лучших образцов тютчевской лирики — в стихотворении «Как над горячею золой», которое Некрасов сочувственно приводит в своей статье, которое Лев Толстой отмечает буквой Г (глубина) и которое по своему пафосу неожиданно перекликается со сказкой об орле и вороне, вложенной Пушкиным в «Капитанской дочке» в уста Пугачеву. Сравнивая свою жизнь — жизнь чиновника и светского человека в ее «одно-

образы нестерпимом» — с тлеющим «над горячею золой» свитком («Так грустно тлится жизнь моя и с каждым днем уходит дымом»), поэт взволнованно заканчивает:

О небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле,
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы — и погас!

Яркий свет на это стихотворение проливает то, что оно написано, видимо, в одно и то же время с другим значительнейшим стихотворением Тютчева — «Цицерон» (автографы обоих стихотворений находятся на одном листке), явно с ним внутренне перекликающимся и вместе с тем представляющим собой прямой и непосредственный отклик на ту самую июльскую революцию 1830 года, которую Тютчев воспринимал как начало новой революционной эры.

Стихотворение это замечательно. Вопреки Тютчеву — автору реакционных политических статей, всячески заклинающих революцию, Тютчев — гениальный лирик-философ вдохновенно славит «роковые минуты истории», наступление эпохи «всеобщих переворотов»:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые:
Его призвали всеблагие,

Как собеседника на пир;
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил.

Д. Благой

СТИХОТВОРЕНИЯ

К ОДЕ ПУШКИНА НА ВОЛЬНОСТЬ

Огнем свободы пламенея
И заглушая звук цепей,
Проснулся в лире дух Алцея —
И рабства пыль слетела с ней.
От лиры искры побежали
И вседробящею струей,
Как пламень божий, ниспадали
На чела бледные царей.

Счастлив, кто гласом твердым, смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден!
И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награжден!

Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!
Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

1820

СЛЕЗЫ

O lacrimarum fons. . .
Gray¹

Люблю, друзья, ласкать очами
Иль пурпур искрометных вин,
Или плодов, между листьями,
Благоухающий рубин.

Люблю смотреть, когда создание
Как бы погружено в весне,
И мир заснул в благоуханье
И улыбается во сне!..

Люблю, когда лицо прекрасной
Весенний воздух пламенит,
То кудрей шелк взвевает сладострастный,
То в ямочки впивается ланит!

Но что все прелести пафосския царицы,
И гроздий сок, и запах роз
Перед тобой, святой источник слез,
Роса божественной денницы!..

---

¹ О источник слез. . . (латинск.). Грей. — *Ред.*

Небесный луч играет в них
И, преломясь о капли огневые,
Рисует радуги живые
На тучах жизни громовых.

И только смертного зениц
Ты, ангел слез, дотронешься
крылами —

Туман рассеется слезами,
И небо серафимских лиц
Вдруг разовьется пред очами.

21 июля 1823

ПРОБЛЕСК

Слышал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон,
Когда полночь, ненароком,
Дремавших струн встревожит сон?..

То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшись, потух!

Дыханье каждое зефира
Взрывает скорбь в ее струнах...
Ты скажешь: ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах!

О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.

Как верим верою живою,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!

Но, ах, не нам его судили...
Мы в небе скоро устаем —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.

Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон
И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон, —

И отягченную главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь, упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.

<Октябрь 1825> 1

---

1 В угловые скобки здесь и далее заключена дата, не позднее которой написано данное стихотворение. — *Ред.*

С ЧУЖОЙ СТОРОНЫ

На севере мрачном, на дикой скале,
Кедр одинокий, подымаясь, белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его буря лелеет.

Про юную пальму снится ему,
Что в краю отдаленном Востока
Под мирной лазурью, на светлом холму
Стоит и цветет одииска.

<Октябрь 1826>

ВЕЧЕР

Как тихо вест над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шум от стаи журавлиной,
И в звучных листьях замер он...

Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день, —
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень...

1826

САСНЕ-САСНЕ ¹

Вот арфа ее в обычайном углу,
Гвозди́ки и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?

О, кто мне поможет шалунью сыскать,
Где, где приютилась сильфида моя?
Волшебную близость как бы благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.

Гвозди́ки недаром лукаво глядят,
Недаром, о розы, на ваших листах
Жарчее румянец, свежей аромат:
Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!

Не арфы ль твоей мне слышался
звон?
В струнах ли мечтаешь укрыться златых?
Металл содрогнулся, тобой оживлен,
И сладостный трепет еще не затих.

---

¹ Игра в прятки (франц.). — *Ред.*

Как пляшут пылинки в полдневных
лучах,
Как искры живые в родимом огне!
Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.

Влетел мотылек, и с цветка на другой,
Притворно-беспечный, он начал порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

1825(?)

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Все вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

<1828>

МОГИЛА НАПОЛЕОНА

Душой весны природа ожила,
И блещет все в торжественном покое:
Лазурь небес, и море голубое,
И дивная гробница, и скала!
Древа кругом покрылись новым цветом,
И тени их, средь общей тишины,
Чуть зыблются дыханием волны
На мраморе, весною разогретом...

Давно ль умолк перун его побед.
И гул от них стоит доселе в мире...

. . . . .
. . . . .
И ум людей великой тенью полн,
А тень его, одна, на бреге диком,
Чужда всему, внимает шуму волн
И тешится морских пернатых криком.

<Январь 1829>

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.

Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.

И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ее
Коснулись ключевые воды...

<Май 1829>

БЕССОННИЦА

Часов однообразный бой —
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый рок настиг,
И мы, в борьбе с природой целой,
Покинуты на нас самих.

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак, на краю земли —
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали.

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло.

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас.

<1829>

Нет, песнь его грозней гремящей тучи,
Как божий гнев, то мрачный, то огнистый,

Неслась по тверди мгlistой, —
Вдруг над зеленой нивой или садом
Невыцветшим заклепы расторгала
И мрак, и лед, и пламень извергала,
Огнем палила, бооздила градом, —
Местами лишь, где туча разрывалась,
Лазурь небес прелестно улыбалась!

3

Духов, гласят, неистовое пенье
Внимающих безумьем поражало, —
Так и его, как неземная сила,
Все пропасти душевные взрывало,
На самом дне будило преступленье,
Дыханье замирало, сердце ныло,

И нечто грудь теснило,
Как бы кругом воздушный слой, редя,
Земную кровь сосал из нашей жилы,
И нам, в борьбе, недоставало силы
Стряхнуть с себя господство чародея,
Пока он сам, как бы для посмеянья,
Своим жезлом не рушил обаянья!

4

И мудрено ль, что память о высоком
Невольню душу грустью осенила!..
Не лебедем ты создан был судьбою,
Купающим в волне румяной крыла,

Когда закат пылает над потоком
И он плывет, любуясь сам собою,
Между двойной зарею, —
Ты был орел — и со скалы родимой,
Где свил гнездо, и в нем, как
в колыбели,
Тебя качали бури и метели,
Во глубь небес нырял, неутомимый,
Над морем и землей парил высоко,
Но трупов лишь твое искало око!..

5

Злосчастный дух! Как в зареве пожара
Твое кроваво-тусклое зеркало,
Блестящее в роскошном, свежем цвете,
И мир и жизнь так дико отражало!..
С печатью на челе святого дара
И скиптром власти в неземном совете,
Любил ты, в мутном свете,
Земную жизнь виденьями тревожить!..
В тебе самом, как бы в иносказанье,
Для нас воскресло грозное преданье, —
Но распознать наш век тебя не может —
Титан ли ты, чье сердце снедью врана,
Иль сам ты вран, терзающий титана!..

6

Своих отцов покинул он обитель,
Где тени их скитаются безмолвны,
Где милые остались залого, —

И как весь день метет крылами волны
Морская птица, скал пустынных житель, —
Так и ему по жизненной дороге

Пройти судили боги,
Нигде не встретив мирной, светлой кущи!
И тщетно он, в борьбе с людьми, с собою,
Рвался схватить земное счастье с бою.
Над ним был Рок, враждебный, всемогущий!
Всходил за ним на снежные вершины,
Спускался в дол, переплывал пучины! ..

7

То мчится бард, беглец родного края,
Навстречу солнца, по стихии бурной,
Где Лиссабон, на жарком небе рдея,
Златым венцом объял залив лазурный, —
Там, где земля горит, благоухая,
И где плоды, на пыльных ветвях зрея,
Душистей и свежее, —

Тебя потом он огласил приветом,
Страна любви, геройства, приключений,
Где и поднесь их сладкопевный гений
Как бы волшебным обвеваает светом
Узорчатой Альгамбры колоннады
Иль рощи благовонные Гренады!

8

То совершитель тризны благочестивой,
Теней погибших окруженный роем,
Равнину ту обходит он с тоскою,
Где жребий мира выпал славным боем,

Где был судим сей страшный суд
железный!..

Сия земля, клейменная судьбою,
Под чуткою стопою
Дрожит еще невольно и поныне,
Как тундра крови, — здесь, в мученьях
страшных,

Притоптаны ряды сердец отважных,
И слоем лег их пепел по равнине, —
Враждебные, они затихли вместе,
Те с жаждою, те в упоеньи мести!..

9

Но дале бард — и видит пред собою
Грозноносящий вечно юный Рейн —
И там и сям, на выси виноградной,
Мелькает замок, и поднесь обвеян
Волшебной былью, мглисто-золотою!..

И вот вдали, сияющий и хладный,
Возник титан громадный —
Швейцария!.. Там мир как за оградой:
Звучит рожок, поют вольней потоки,
В горах, как в чаше, озера глубоки,
Свет на холмах, в долинах тень
с прохладой,

И надо всем вершины ледяные,
То бледные, то огненно-живые!..

10

Потом с высот, где, разлучаясь, воды
В широкие, полдневные равнины,
Как бы на пир, стремят свое течение —

Отколь не раз, как льдистые лавины,
Полночные срывались народы, —
В Италию, родимое владенье,
Он сводит вдохновенье —
Небесный дух сей край чудес обходит,
Высокий лавр и темный мирт колышет,
Под сводами чертогов светлых дышит,
С цветущих персей запах роз уводит
И шевелит прозрачной пеленою
Над дремлющей в руинах стариною!..

11

Но на Восток цветущий и пустынный
Влекло певца всесильное пристрастье,
В любимый край его воображенья!..
Сей мир насильства, лени, сладострастья
Он зрел еще перед его кончиной —
Где обнялись в роскошном запустенье
И жизнь и разрушенье,
И дружески цвели в вечернем свете
Вершины гор, где жил разбой веселый,
Там, за скалой, пирата парус белый,
Здесь рог луны, горящий на мечети,
И чистые остатки Парфенона
На девственном румянце небосклона.

12

Но ты расторг союз сего творенья.
Дух вольности, бессмертная стихия!
И бой вспылал Отчаяния с Силой!..

Кровь полилась, как воды ключевые,
В ночи земля пила их без зазренья,
Лишь зарево, как светоч над могилой,
Горé над ней светило, —

И скоро ли — то провиденье знает —
Взойдет заря и бурный мрак развеет! ..
Но юный день с любовью да светлеет
На месте том, где дух певца витает,
Где в сумраке болезненной надежды
Сомкнула смерть его земные вежды! ..

13

Певец угас пред жертвенником брани! ..
Но песнь его нигде не умолкала —
Хоть из груди, истерзанной страстями,
Она нередко кровью вытекала.
Волшебный жезл не выпадет из длани.
Но двигал он лишь адскими властями! ..

И в распре с небесами
Высокая божественность мученья
Была ему загадкою враждебной —
И, упиваясь чашею врачебной,
Отравы жаждал он, не исцеленья, —
Вперенные в подземный ужас очи
Он отвращал от звездной славы ночи! ..

14

Таков он был, могучий, величавый,
Восторженный хулитель мирозданья! ..
Но зависти ль удел его достоин? ..

Родительским добром существованья
Он приобрел даруемое славой.
Но был ли он сим демоном присвоен.
Иль счастлив, иль спокоен?
Сиянье звезд, денницы луч веселый
Души его, где вихри бушевали,
Лишь изредка угрюмость провевали.
Он стихнул днесь, вулкан перегорелый.
И позднее бессмертия светило
С ночных небес глядит в него уныло...

1828—1829(?)

* * *

«**П**рекрасный будет день», — сказал
товарищ,

Взглянув на небо из окна повозки.

Так, день прекрасный будет, — повторило

За ним мое молящееся сердце

И вздрогнуло от грусти и блаженства!..

Прекрасный будет день! Свободы солнце

Живей и жарче будет греть, чем ныне

Аристократия светил ночных!

И расцветет счастливейшее племя,

Зачатое в объятьях произвольных —

Не на одре железном принужденья,

Под строгим, под таможенным надзором

Духовных приставов, — и в сих душах

Вольнорожденных вспыхнет смело

Чистейший огонь идей и чувствований —

Для нас, рабов природных, непостижный!

Ах, и для них равно непостижима

Та будет ночь, в которой их отцы

Всю жизнь насквозь томились безотрадно —

И бой вели отчаянный, жестокий

Противу гнусных сов и ларв подземных,

Чудовищных Ерева порождений!..

Злосчастные бойцы, все силы духа,

Почтит иль нет мой памятник надгробный?
Поэзия душе моей была
Младенчески-божественной игрушкой —
И суд чужой меня тревожил мало.
Но меч, друзья, на гроб мой положите!
Я воин был! я ратник был свободы
И верою и правдой ей служил
Всю жизнь свою в ее священной брани!

1828—1829(?)

К. Н. Н.

Ты любишь, ты притворствовать умеешь —
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей,
Ты мне ответ даешь и не краснеешь!

Все тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенья персей, взор, улыбка та ж...
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красой послушной.

Благодаря и людям и судьбе
Ты тайным радостям узнала цену,
Узнала свет: он ставит нам в измену
Все радости... Измена льстит тебе.

Стыдливости румянец невозвратный,
Он улета с твоих молодых ланит —
Так с юных роз авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.

Но так и быть!.. в палящий летний
Лестней для чувств, приманчивей для
Смотреть, в тени, как в кисти винограда
Сверкает кровь сквозь зелени густой.

1828—1829(?)

〈ПЯТОЕ МАЯ〉

Высокого предчувствия
Порывы и томленье,
Души, господства жаждущей,
Кипящее стремленье
И замыслов событие,
Несбыточных, как сон, —

Все испытал он! — счастье,
Победу, заточенье,
И все судьбы пристрастие,
И все ожесточенье!
Два раза брошен был во прах
И два раза на трон!..

Явился: два столетия
В борении жестоком,
Его узрев, смирились вдруг,
Как пред всемогущим роком.
Он повелел умолкнуть им
И сел меж них судьей!

Исчез — и в ссылке довершил.
Свой век неимоверный —
Предмет безмерной зависти
И жалости безмерной,

Предмет вражды неистойой,
Преданности слепой!..

Как над главою тонущих
Растет громадой пенной
Сперва игравший ими вал
И берег вожделенный
Вотще очам трепещущим
Казавший свысока, —

Так память над душой его,
Скопившись, тяготела!..
Как часто высказать себя
Душа сия хотела
И, обомлев, на мист начатый
Вдруг падала рука!

Как часто пред кончиной дня —
Дня безотрадной муки, —
Потупив молнии очей,
Крестом сложивши руки,
Стоял он — и минувшее
Овладевало им!..

Он зрел в уме: подвижные
Шатры, равнины боев,
Рядов пехоты длинный блеск,
Потоки конных строев —
Железный мир и дышащий
Велением одним!..

О, под толиким бременем
В нем сердце истомилось

И дух упал... Но сильная
К нему рука спустилась —
И к небу, милосердая,
Его приподняла!..

1828—1829(?)

* * *

В толпе людей, в нескромном шуме дня,
Порой мой взор, движенья, чувства, речь
Твоей не смеют радоваться встрече —
Душа моя! о, не вини меня!..

Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяц светозарный, —
Наступит ночь — и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!

1828—1829(?)

УТРО В ГОРАХ

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.

<Февраль 1830>

СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

У же полдневная пора
Палит отвесными лучами,
И задымилась гора
С своими черными лесами.

Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи,
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи.

И между тем как полусонный
Наш дольний мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил, —

Горé, как божества родные,
Над издыхающей землей,
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

<Февраль 1830>

* * *

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой
звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

<Июнь 1830>

ВОПРОСЫ

Над морем, диким полуночным морем

Муж-юноша стоит, —

В груди тоска, в уме сомненья,

И, сумрачный, он вопрошает волны:

«О, разрешите мне загадку жизни,

Мучительно-старинную загадку,

Над коей сотни, тысячи голов —

В египетских, халдейских шапках,

Гиероглифами ушитых,

В чалмах и митрах, и скуфьях,

И с париками, и обритых —

Тьмы бедных человеческих голов

Кружилися, и сохли, и потели, —

Скажите мне, что значит человек?

Откуда он, куда идет,

И кто живет над звездным сводом?»

Попрежнему шумят и ропщут волны,

И дует ветер и гонит тучи,

И звезды светят холодно и ясно, —

Глупец стоит и ждет ответа!

1827 — ноябрь 1830(?)

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

Вы мне жалки, звезды-горемыки!
Так прекрасны, так светло горите,
Мореходцу светите охотно,
Без возмездья от богов и смертных!
Вы не знаете любви и ввек не знали!
Неудержно вас уводят Оры
Сквозь ночную беспредельность неба.
О! какой вы путь уже свершили
С той поры, как я в объятьях милой
Вас и полночь сладко забываю!

1827—1830(?)

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных, —
Все зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них.

<1839>

* * *

Через ливонские я проезжал поля,
Вокруг меня все было так уныло...
Бесцветный грунт небес, песчаная земля —
Все на душу раздумье наводило.

Я вспомнил о былом печальной сей
земли —

Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ее, простертые в пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.

И, глядя на тебя, пустынная река,
И на тебя, прибрежная дуброва,
«Вы, — мыслил я, — пришли издалека,
Вы сверстники сего былого!»

Так! вам одним лишь удалось
Дойти до нас с берегов другого света.
О, если б про него хоть на один вопрос
Мог допроситься я ответа!..

* * *

Песок сыпучий по колени...
Мы едем; поздно, меркнет день;
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слилися тень.
Черней и чаще бор глубокий...
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стокий,
Глядит из каждого куста.

1830

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота деревьев,
Багряных листьев томный, легкий
шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.

1830

ЛИСТЬЯ

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек несвежа.

Мы ж, легкое племя,
Цветем и блестим
И краткое время
На сучьях гостим.
Все красное лето
Мы были в красе —
Играли с лучами,
Купались в росе!..

Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели,
Зефиры ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?

Не лучше ль за ним?
И нам улететь!

О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим...
Летите, летите!
Мы с вами летим!..

1830

АЛЫШЫ

Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят —
Помертвелые их очи
Льдистым ужасом разят.
Властью некой обаянны,
До восшествия зари
Дремлют, грозны и туманны,
Словно падшие цари!..

Но восток лишь заалет,
Чарам гибельным конец —
Первый в небе просветлеет
Брата старшего венец.
И с главы большого брата
На меньших бежит струя,
И блестит в венцах из золота
Вся воскресшая семья!..

1830

MAL'ARIA ¹

Люблю сей божий гнев! Люблю сие
незримо
Во всем разлитое, таинственное зло —
В цветах, в источнике, прозрачном как
стекло,
И в радужных лучах, и в самом небе Рима!
Всё та ж высокая, безоблачная твердь,
Всё так же грудь твоя легко и сладко дышит,
Всё тот же теплый ветер верхи деревьев колышет,
Всё тот же запах роз... и это всё —
есть смерти!

Как ведать, может быть, и есть в природе
звуки,

Благодухания, цвета и голоса —
Предвестники для нас последнего часа
И усладители последней нашей муки.
И ими-то судеб посланник роковой,
Когда сынов земли из жизни вызывает,
Как тканью легкою свой образ прикрывает,
Да утаит от них приход ужасный свой!

1830

¹ Зараженный воздух (итал.). — *Ред.*

* * *

Сей день, я помню, для меня
Был утром жизненного дня:
Стояла молча предо мною,
Вздыхалась грудь ее волною,
Адели щеки, как заря,
Все жарче рдея и горя...
И вдруг, как солнце молодое,
Любви признанье золотое
Исторглось из груди ея...
И новый мир увидел я!

1830

УСПОКОЕНИЕ

Гроза прошла — еще курясь лежал
Высокий дуб, перунами сраженный,
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозою освеженной.
А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздалась,
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлася.

<1830>

БЕЗУМИЕ

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод,
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.

Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.

То вспрянет вдруг и, чутким
ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.

И мнит, что слышит струй
кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!..

<1830>

В ДОРОГЕ

Здесь, где так вяло свод небесный
На землю тощую глядит, —
Здесь, погрузившись в сон железный,
Усталая природа спит...

Лишь кой-где бледные березы,
Кустарник мелкий, мох седой,
Как лихорадочные грезы,
Смущают мертвенный покой.

<1830>

КОНЬ МОРСКОЙ

О рьяный конь, о конь морской,
С бледнозеленой гривой,
То смирный, ласково-ручной,
То бешено-игривый!
Ты буйным вихрем вскормлен был
В широком божьем поле;
Тебя он прядать научил,
Играть, скакать по воле!

Люблю тебя, когда стремглав,
В своей надменной силе,
Густую гриву растрепав,
И весь в пару и мыле,
К брегам направив бурный бег,
С веселым ржаньем мчишься,
Копыта кинешь в звонкий брег
И — в брызги разлетишься...

1830(?)

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед».

Весна идет, весна идет —
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!

1830

ЦИЦЕРОН

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»
Так! но прощаясь с римской славой,
С capitoлийской высоты,
Во всем величьи видел ты
Закат звезды ее кровавой!..

Счастливы, кто посетил сей мир
В его минуты роковые:
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир;
Он их высских зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил.

1830

SILENTIUM! ¹

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои.
Пусть в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи:
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь;
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей.
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушил наружный шум,
Дневные разгонят лучи:
Внимай их пенью — и молчи!

1830

---

¹ Молчание (латинск.). — *Ред.*

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает,
И огонь сокрытый и глухой
Слова и строки пожирает, —

Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом;
Так постепенно гасну я
В однообразьи нестерпимом.

О небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы — и погас!

1830

ДВУМ СЕСТРАМ

Обеих вас я видел вместе —
И всю тебя узнал я в ней...
Та ж взоров тихость, нежность гласа,
Та ж прелесть утреннего часа,
Что веяла с главы твоей!

И все, как в зеркале волшебном,
Все обозначилося вновь...
Минувших дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!..

1830

* * *

Как дочь родную на закланье
Агамемнон богам принес,
Прося попутных бурь дыханья
У негодующих небес, —
Так мы над горестной Варшавой
Удар свершили роковой,
Да купим сей ценой кровавой
России целость и покой!

Но прочь от нас венец бесславья,
Сплетенный рабскою рукой!
Не за коран самодержавья
Кровь русская лилась рекой!
Нет! нас одушевляло в бое
Не чревобесие меча,
Не зверство янычар ручное
И не покорность палача!

Другая мысль, другая вера
У русских билась в груди:
Грозой спасительной примера
Державы целость соблюсти,
Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать

И весть на подвиг просвещенья
Единомысленных как рать.
Сие-то высшее сознание
Вело наш доблестный народ, —
Путей небесных оправданье
Он смело на себя берет.
Он чует над своей главою
Звезду в незримой высоте
И неуклонно за звездою
Спешит к таинственной мете!

Ты ж, братскою стрелой пронзенный.
Судеб свершая приговор,
Ты пал, орел одноплеменный,
На очистительный костер!
Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережем,
И наша общая свобода,
Как феникс, зародится в нем.

1831

ВЕСЕННЕЕ УСПОКОЕНИЕ

О, не кладите меня
В землю сырую —
Скройте, заройте меня
В траву густую!..

Пускай дыханье ветерка
Шевелит травую,
Свирель поет издалика,
Светло и тихо облака
Плывут надо мною...

<Июль 1832>

* * *

Душа моя — Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам години буйной сей,
Ни радостям, ни горю непрichастных.

Душа моя, Элизиум теней!
Что общего меж жизнью и тобою?
Меж вами, призраки минувших, лучших
дней,
И сей бесчувственной толпою? ..

1832(?)

* * *

С горы скатившись, камень лег
в долине.

Как он упал? никто не знает ныне.
Сорвался ль он с вершины сам собой,
Или низвергнут мыслящей рукой?
Столетье за столетьем пронеслося:
Никто еще не разрешил вопроса!

15 января 1833

* * *

Из края в край, из града в град.
Судьба, как вихрь, людей мятет,
И рад ли ты, или не рад,
Что нужды ей?.. Вперед, вперед!

Знакомый звук нам ветер принес:
Любви последнее прости...
За нами много, много слез,
Туман, безвестность впереди!..

«О, оглянися, о, постой,
Куда бежать, зачем бежать?..
Любовь осталась за тобой,
Где ж в мире лучшего сыскать?»

Любовь осталась за тобой,
В слезах, с отчаяньем в груди...
О, сжался над своей тоской,
Свое блаженство пощади!

Блаженство стольких, стольких
дней
Себе на память приведи...

Все милое душе твоей
Ты покидаешь на пути!..»

— Не время выкликать теней:
И так уж этот мрачен час!
Усопших образ тем страшней,
Чем в жизни был милей для нас.

Из края в край, из града в град
Могучий вихрь людей мятет,
И рад ли ты, или не рад,
Не спросит он... Вперед, вперед!

1834—1835(?)

* * *

Два демона ему служили,
Две силы дивно в нем срослись:
В его главе орлы парили,
В его груди змии вились...
Ширококрылых вдохновений
Орлиный, дерзостный полет,
Но в самом буйстве дерзновений
Змииной мудрости расчет.

<Март 1836>

ФОНТАН

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.

О смертной мысли водомет,
О водомет неистоимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

<Март 1836>

ПОЛДЕНЬ

Лениво дышит полдень мглистый;
Лениво катится река;
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет;
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

<Март 1836>

* * *

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край:
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка вдаль глядит,
Стояла ты, молодая фея,
На мшистый опершись гранит,

Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свесал.

Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;

День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

И ты, с веселостью беспечной,
Счастливым провожала день;
И сладко жизни быстрой
Над нами пролетала тень.

<Март 1836>

* * *

Душа хотела б быть звездой;
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, —

Но днем, когда, сокрытые как
дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

<Март 1836>

* * *

Яркий снег сиял в долине:
Снег растаял и ушел;
Вешний злак блестит в долине:
Злак увянет и уйдет.

Но который век белеет
Там, на высях снеговых?
А заря и ныне ссёт
Розы свежие на них!..

<Март 1836>

* * *

Поток сгустился и тускнеет,
И прячется под твердым льдом;
И гаснет цвет, и звук немеет
В оцепененьи ледяном.
Лишь жизнь бессмертную ключа
Сковать всесильный хлад не может:
Она все льется — и, журча,
Молчанье мертвое тревожит.

Так и в груди осиротелой,
Убитой хладом бытия,
Не льется юности веселой,
Не блещет резвая струя.
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропот;
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шопот.

< Март 1836 >

СОН НА МОРЕ

И море и буря качали наш челн;
Я сонный был предан всей прихоти волн.
Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.
Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликались ветры и пели валы.
Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебном-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой.
В лучах огневицы развил он свой мир:
Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лабиринфы, чертоги, столпы —
И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных
птиц. . .

По высям творенья как бог я шагал,
И мир подо мною недвижимый сиял. . .
Но все грезы насквозь, как волшебника
вой.

Лишь слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалась пена ревущих валов.

<Март 1836>

* * *

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик;
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?..

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире как впотьмах,
Для них и солнцы, зная, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела;
При них леса не говорили,
И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Души его, ах, не встревожит
И голос матери самой!..

<Март 1836>

* * *

В душном воздуха молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Звонче голос стрекозы...

Чу! за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром;
Небо молнией летучей
Опясалось кругом...

Жизни некий преизбыток
В знойном воздухе разлит,
Как божественный напиток
В жилах млеет и горит!

Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?

Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?

Что́ так грудь твою спирает
И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..

<Март 1836>

* * *

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?

Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей...
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет
И смеется над тобой.

<Март 1836>

* * *

Вечер мглистый и ненастный...
Чу, не жаворонка ль глас?
Ты ли, утра гость прекрасный,
В этот поздний, мертвый час?..
Гибкий, резвый, звучно-ясный,
В этот мертвый, поздний час?..
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс!

<Март 1836>

* * *

И гроб опущен уж в могилу,
И все столпилось вокруг.
Толкутся, дышат через силу,
Спирает грудь тлетворный дух.

И над могилою раскрытой,
В возглавии, где гроб стоит,
Ученый пастор, сановитый,
Речь погребальную гласит.

Вещает бренность человечью,
Грехопадение, кровь Христа —
И умною, пристойной речью
Толпа различно занята...

А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей, —
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...

<Март 1836>

* * *

Как птичка раннею зарей,
Мир, пробудившись, встрепенулся...
Ах, лишь одной главы моей
Сон благодатный не коснулся!
Хоть свежесть утренняя веет
В моих всклокоченных власах,
На мне, я чую, тяготееет
Вчерашний зной, вчерашний прах!..

О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного дня!..
О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!..
О ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!..

Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век!
Как ваших жалоб, ваших пеней
Неправый праведен упрек!
Как грустно, полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..

<Март 1836>

* * *

Там, где горы, убегая,
В светлой тянутся дали,
Пресловутого Дуная
Льются вечные струи —

Там-то, бают, в стары годы,
По лазуревым ночам,
Фей вилися хороводы
Под водой и по водам;

Месяц слушал, волны пели,
И, навесясь с гор крутых,
Замки рыцарей глядели
С сладким ужасом на них.

И лучами неземными,
Заключен и одинок,
Перемигивался с ними
С древней башни огонек.

Звезды в небе им внимали,
Проходя за строем строй,
И беседу продолжали
Тихомолком меж собой.

В панцырь дедовский закован,
Воин-сторож на стене
Слышал, тайно очарован,
Дальный гул как бы во сне.

И лишь дремой забывался,
Гул ясенел и грохотал.
Он с молитвой просыпался
И дозор свой продолжал.

Все прошло, все взяли годы —
Поддался и ты судьбе,
О Дунай, и пароходы
Ныне ходят по тебе...

<Март 1836>

* * *

Над виноградными холмами
Плывут золотые облака;
Внизу зелеными волнами
Шумит померкшая река.
Взор, постепенно, из долины
Подъезжая, всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный светлый храм.

Там в горнем, неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течет.
Туда взлетая, звук немеет,
Лишь жизнь природы там слышна —
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина.

< Март 1836 >

* * *

Зима недаром злится,
Прошла ее пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И все засуеилось,
Все нудит зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима еще хлопочет
И на весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет,
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая,
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала,
Наперекор врагу.

<Март 1836>

⟨СУМЕРКИ⟩

Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движение разрешились
В сумрак зыбкий, в дальный гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всем!..

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства — м лой самозабренья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

⟨Март 1836⟩

* * *

Какое дикое ущелье!
Ко мне навстречу ключ бежит —
Он в дол спешит на новоселье...
Я лезу вверх, где ель стоит.

Вот взобрался я на вершину,
Сижу здесь, радостен и тих...
Ты к людям, ключ, спешишь в
долину —
Попробуй, каково у них!

<Март 1836>

* * *

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Все выше, дале вьется он
И вот ушел за небосклон.

Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, прирос к земле!
<Март 1836>

* * *

Сижу задумчив и один,
На потухающий камин
Сквозь слез гляжу...
С тоскою мыслю о былом,
И слов в унынии моем
Не нахожу.

Былое — было ли когда?
Что ныне — будет ли всегда? —
Оно пройдет —
Пройдет оно, как все прошло,
И канет в темное жерло
За годом год.

За годом год, за веком век...
Что ж негодует человек,
Сей злак земной!..
Он быстро, быстро вянет — так,
Но с новым летом новый злак
И лист иной.

И снова будет все, что есть,
И снова розы будут цвести,
И терны тож...

Но ты, мой бедный, бледный цвет,
Тебе уж возрожденья нет,
    Не расцветешь!

Ты сорван был моей рукой,
С каким блаженством и тоской
    То знает бог...
Останься ж на груди моей,
Пока любви не замер в ней
    Последний вздох.

<Март 1836>

* * *

Вчера, в мечтах обвороженных,
С последним месяца лучом
На веждах томно-озаренных,
Ты поздним позабылась сном.

Утихло вокруг тебя молчанье,
И тень нахмурилась темней,
И груди ровное дыханье
Струилось в воздухе слышней.

Но сквозь воздушный завес окон
Недолго лился мрак ночной
И твой, взвеваясь, сонный локон
Играл с незримою мечтой.

Вот тихоструйно, тиховейно,
Как ветерком занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно,
Вдруг что-то пòрхнуло в окно.

Вот невидимкой пробежало
По темно брезжущим коврам,
Вот, ухватясь за одеяло,
Взбираться стало по краям,

Вот, словно змейка извиваясь,
Оно на ложе взобралось,
Вот, словно лента развеваясь,
Меж пологамн развилось...

Вдруг животрепетным сияньем
Коснувшись персей молодых,
Румяным громким восклицаньем
Раскрыло шелк ресниц твоих.

<Март 1836>

Как сладко дремлет сад темнозеленый,
Объятый негой ночи голубой,
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!..

Таинственно, как в первый день
созданья,
В бездонном небе звездный сонм горит,
Музыки дальной слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит..

На мир дневной спустилася завеса,
Изнемогло движенье, труд уснул..
Над спящим градом, как в вершинах
леса,
Проснулся чудный, еженочный гул..

Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобожденных
сном,
Мир бестелесный, слышный, но
незримый,
Теперь роняся в хаосе ночном?..

<Март 1836>

* * *

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать Земля!
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я.
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, златые сны! ..

Весь день в бездействии глубоком
Весенний, теплый воздух пить,
На небе чистом и высоком
Порою облака следить;
Бродить без дела и без цели
И, ненароком, на лету,
Набрести на свежий дух синели
Или на светлую мечту...

<Март 1836>

* * *

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподынешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильней очарованья:
Глаза, потупленные ниц,
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья...

<Март 1836>

* * *

И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе.
Мужайся, сердце, до конца:
И нет в творении — творца!
И смысла нет в мольбе!

<Март 1836>

* * *

Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебель колышет,
И елей ветви шевелит.
Еще природа не проснулась,
Но сквозь редящего сна
Весну слышала она
И ей невольно улыбнулась.

    Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает и целует
И золотит твои мечты?
Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то нега?
Или то женская любовь?

< Март 1836 >

Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

1837

1 ДЕКАБРЯ 1837

Так здесь-то суждено нам было
Сказать последнее прости,
Прости всему, чем сердце жило,
Что, жизнь твою убив, ее испепелило
В твоей измученной груди!

Прости... Чрез много, много лет
Ты будешь помнить с содроганьем
Сей край, сей брег с его полуденным
сияньем,
Где вечный блеск и долгий цвет;
Где поздних, бледных роз дыханьем
Декабрьский воздух разогрет.

1 декабря 1837

Вдруг все смутилось: судорожный
трепет

По ветвям кипарисным пробежал;
Фонтан замолк — и некий чудный лепет,
Как бы сквозь сон, невнятно прошептал.

Что это, друг? Иль злая жизнь,
недаром,
Та жизнь, — увы! — что в нас тогда текла,
Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,
Через порог заветный перешла?

Начало декабря 1837

* * *

Давно ль, давно ль, о юг блаженный,
Я зрел тебя лицом к лицу —
И как эдем ты растворенный
Доступен был мне, пришлецу?
Давно ль — хотя без восхищенья,
Но новых чувств недаром полн —
И я заслушивался пеня
Великих средиземных волн?

И песнь их, как *во время оно*,
Полна гармонии была,
Когда из их родного лона
Киприда светлая всплыла.
Они всё те же и поныне,
Всё так же блещут и звучат;
По их лазуревой равнине
Святые призраки скользят.

Но я, я с вами распростился:
Я вновь на север увлечен;
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклон.
Здесь воздух колет. Снег обильный
На высотах и в глубине —

*

И холод, чародей всемогущий,
Один здесь царствует вполне.

Но там, за этим царством вьюги,
Там, там, на рубеже земли,
На золотом, на светлом юге,
Еще я вижу вас вдали:
Вы блещете еще прекрасней,
Еще лазурней и свежей,
И говор ваш еще согласней
Доходит до души моей.

Декабрь 1837

ВЕСНА

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран,
Каким бы строим испытаньям
Вы ни были подчинены, —
Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!

Весна: . . . она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет,
И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.

Цветами сыплет над землею,
Свежа, как первая весна;
Была ль другая перед нею —
О том не ведает она:
По небу много облак бродит,
Но эти облака ея;

Она ни следу не находит
Отцветших весен бытия.

Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет;
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льет,
И страх кончины неизбежной
Не свет с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.

Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь —
И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

<Май 1838>

* * *

Смотри, как запад разгорелся
Вечерним заревом лучей,
Восток померкнувший оделся
Холодной, сизой чешуей!

В вражде ль они между собою?
Иль солнце не одно для них
И, неподвижною средою
Деся, не соединяет их?

<Июнь 1838>

С КАКОЮ НЕГОЮ

С какою негою, с какою тоской влюбленной
Твой взор, твой страстный взор изнемогал
на нем!

Бессмысленно-нема... нема, как опаленный
Небесной молнии огнем!

Вдруг от избытка чувств, от полноты
сердечной,

Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась
нищ... .

Но скоро добрый сон, младенчески-беспечный,
Сходил на шелк твоих ресниц,

И на руки к нему глава твоя склонялась,
И матери нежней тебя лелеял он...

Стон замирал в устах... дыхание
уровнялось —

И тих и сладок был твой сон.

А днесь... О, если бы тогда тебе
приснилось,

Что будущность для нас обоих берегла...
Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась.

Иль в сон иной бы перешла.

<Август 1838>

АРФА СКАЛЬДА

О арфа скальда! Долго ты спала
В тени, в пыли забытого угла;
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свет блеснул в твоём углу —
Вдруг чудный звон затрепетал в струне,
Как бред души встревоженной во сне.

Какой он жизнью на тебя дохнул?
Иль старину тебе он вспомянул —
Как по ночам здесь сладострастных дев
Давно минувший вторился напев?
Иль в сих цветущих и поднесь садах
Их легких ног скользил незримый шаг?

<Сентябрь 1838>

ДЕНЬ И НОЧЬ

На мир таинственный духóв,
Над этой бездной безымянной
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День — сей блистательный покров —
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Но меркнет день — настала ночь;
Пришла — и с мира рокового
Ткань благодатную покрóва,
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет препрад меж ней и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

<Март 1839>

НЕ ВЕРЬ, НЕ ВЕРЬ ПОЭТУ!

Не верь, не верь поэту, дева;
Его своим ты не зови —
И пуще пламенного гнева
Страшись поэтовой любви!

Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой;
Огня палящего не скроешь
Под легкой девственной фатой.

Поэт всесилен, как стихия, —
Не властен лишь в себе самом:
Невольно кудри молодые
Он обожжет своим венцом.

Вотще поносит или хвалит
Его бессмысленный народ:
Он не змеею сердце жалит,
Но как пчела его сосет.

Твоей святыни не нарушит
Поэта чистая рука,
Но ненароком — жизнь задушит
Иль унесет за облака.

<Март 1839>

ЛЕБЕДЬ

Пушкой орел за облаками
Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя впивает солнца свет.

Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего —
И чистой, как ты сам, одело
Тебя стихией божество.

Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон —
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.

<Июнь 1839>

* * *

Живым сочувствием привета
С недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, поэта, —
Не искушай его мечты...

Всю жизнь в толпе людей
затерян,
Порой доступен их страстям,
Поэт, я знаю, суверен,
Но редко служит он властям.

Перед кумирами земными
Проходит он, главу склонив,
Или стоит он перед ними
Смущен и гордо-боязлив...

Но если вдруг живое слово
С их уст, сорвавшись, упадет,
И сквозь величия земного
Вся прелесть женщины мелькнет,

И человеческим сознанием
Их всемогущей красоты
Вдруг озарятся, как сияньем,
Изящно-дивные черты, —

О, как в нем сердце пламенеет!
Как он восторжен, умилен!
Пускай служить он не умеет —
Боготворить умеет он.

Октябрь — декабрь 1840(?)

〈В АЛЬБОМ ГАНКИ〉

Вековать ли нам в разлуке,
Не пора ль очнуться нам
И простерть друг к другу руки,
К нашим кровным и друзьям?

Веки мы слепцами были —
И, как жалкие слепцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбредлись во все концы.

А случилось ли порою
Нам столкнуться как-нибудь —
Кровь не раз лилась рекою,
Меч терзал родную грудь.

И вражды безумной семя
Плод сторичный принесло —
Не одно погибло племя
Иль в чужбину отошло.

Инородец, иноземец
Нас раздвинул, разломил —
Тех обезьязычил немец,
Этих турок осрамил.

Вот среди сей ночи темной,
Здесь, на пражских высотах,
Доблльй муж, рукою скромной,
Засветил маяк впотьмах.

О, какими вдруг лучами
Озарилсь все края!
Обличилась перед нами
Вся славянская земля.

Горы, степи и поморья
День чудесный облистал
От Невы до Черногорья,
От Карпатов по Урал.

Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил —
И с Москвой золотоглавой
Вышеград заговорил.

И родного слова звуки
Вновь понятны стали нам.
Наяву увидят внуки
То, что снилося отцам!

25 августа 1841

* * *

Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.

Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное,
Белела в мертвенном покое
Оледенелая река.

Я вспомнил, грустно-молчалив,
Как в тех странах, где солнце греет,
Теперь на солнце пламенеет
Роскошный Генуи залив...

О север, север-чародей,
Иль я тобою околдован?
Иль в самом деле я прикован
К гранитной полосе твоей?

О, если б мимолетный дух,
Во мгле вечерней тихо вея,
Меня унес скорей, скорее
Туда, туда, на теплый юг...

21 ноября 1844

КОЛУМБ

Тебе, Колумб, тебе венец!
Чертеж земной ты выполнивший смело
И довершивший наконец
Судеб неконченное дело!
Ты завесу расторг всеильною рукой —
И новый мир, неведомый, неожиданный,
Из беспредельности туманной
На божий свет ты вынес за собой.

Так связан, съединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С живою силой естества...
Скажи заветное он слово —
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его,

1844

МОРЕ И УТЕС

И бунтует и клокочет,
Хлещет, свищет и ревет,
И до звезд допрыгнуть хочет,
До незыблемых высот. ..
Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огонь геенский разложила
И пучину взворотила,
И поставила вверх дном?

Волн неистовых прибоем
Беспрерывно вал морской,
С ревом, свистом, визгом, воем,
Бьет в утес береговой, —
Но спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,
Неподвижный, неизменный,
Мирозданию современный,
Ты стоишь, наш великан!

И, озлобленные боем,
Как на приступ роковой,
Снова волны лезут с всем
На гранит громадный твой.

Но о камень неизменный
Бурный натиск преломив,
Вал отбрызнул сокрушенный,
И струится мутной пеной
Обессиленный порыв. . .

Стой же ты, утес могучий!
Обожди лишь час, другой —
Надоест волне гремучей
Воевать с твоей пятой. . .
Утомясь потехой злою,
Присмирет вновь она,
И без вою и без бою
Под гигантскою пятою
Вновь уляжется волна. . .

1848

* * *

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

1848

Как он любил родные ели
Своей Савойи дорогой!
Как мелодически шумели
Их ветви над его главой!..
Их мрак торжественно-угрюмый
И дикий, заунывный шум
Какою сладостною думой
Его обворожали ум!..

1848(?)

〈ГРОЗА ДОРОГОЙ〉

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра теплого порывы,
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил ее края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Всё сердитей и смелей.

Солнце раз еще взглянуло
Исподлобья на поля —
И в сияньи потонула
Вся смятенная земля.

6 июня 1849

* * *

Итак, опять увиделся я с вами,
Места немилые, хоть и родные,
Где мыслил я и чувствовал впервые
И где теперь туманными очами,
При свете вечеряющего дня,
Мой детский возраст смотрит на меня.

О бедный призрак, немощный и смутный,
Забытого, загадочного счастья!..
О, как теперь без веры и участия
Смотрю я на тебя, мой гость минутный,
Куда как чужд ты стал в моих глазах,
Как брат меньшей, умерший в пеленах...

Ах, нет, не здесь, не этот край
безлюдный!

Был для души моей родимым краем —
Не здесь расцвел, не здесь был величаем
Великий праздник молодости чудной.
Ах, и не в эту землю я сложил
Все, чем я жил и чем я дорожил!

13 июня 1849

* * *

Тихой ночью, поздним летом,
Кák на небе звезды рдеют,
Кák под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны,
Кák блещат в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...

23 июля 1849

* * *

Когда в кругу убийственных забот
Нам все мерзит — и жизнь, как камней
груда,
Лежит на нас — вдруг, знает бог откуда,
Нам на душу отрадное дохнет,
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно приподнимет.

Так иногда, осеннею порой,
Когда поля уж пусты, рощи голы,
Бледнее небо, пасмурнее доли,
Вдруг ветер подует, теплый и сырой,
Опавший лист погонит пред собою
И душу нам обдаст как бы весною...

22 сентября 1849

* * *

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой. . .
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые,
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.

<Октябрь 1849>

* * *

По равнине вод лазурной
Шли мы верною стезей —
Огнедышащий и бурный
Уносил нас змей морской.

С неба звезды нам светили,
Снизу искрилась волна,
И метелью влажной пыли
Обдавала нас она.

Мы на палубе сидели,
Многих сон одолевал...
Всё звучней колеса пели,
Разгребая шумный вал.

Приутих наш круг веселый,
Женский говор, женский шум...
Подпирает локоть белый
Много милых, сонных дум.

Сны играют на просторе
Под магической луной,
И баюкает их море
Тихоструйною волной.

29 ноября 1849

БЛИЗНЕЦЫ

Есть близнецы — для земнородных:
Два божества — то смерть и сон,
Как брат с сестрою дивно сходных —
Она угрюмей, кротче он. .

Но есть других два близнеца —
И в мире нет четы прекрасней,
И обаянья нет ужасней
Ей предающего сердца. . .

Союз их кровный, не случайный,
И только в роковые дни
Своей неразрешимой тайной
Обворожают нас они.

И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений —
Самоубийство и любовь!

1848—1849(?)

ПОЭЗИЯ

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих зыбей,
В стихийном пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам —
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре —
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.

<Март 1850>

Вновь твои я вижу очи,
И один твой южный взгляд
Киммерийской грустной ночи
Вдруг рассеял сонный хлад...
Воскресает предо мною
Край иной — родимый край,
Словно прадедов виною
Для сынов погибший рай...

Лавров стройных колыханье
Зыблет воздух голубой,
Моря тихое дыханье
Провеваает летний зной,
Целый день на солнце зреет
Золотистый виноград,
Баснословной былью веет
Из-под мраморных аркад.

Сновиденьем безобразным
Скрылся север роковой,
Сводом легким и прекрасным
Светит небо надо мной.

Снова жадными очами
Свет живительный я пью
И под чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

<Март 1850>

* * *

Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадный, день любезный,
Как золотой покров она свила,
Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир ушел...
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастию темной.

На самого себя покинут он —
Упразднен ум и мысль осиротела —
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь все светлое; живое...
И в чуждом, неразгаданном, ночном
Он узнает наследье родовое.

<Март 1850>

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства.
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои молодые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...

И жизнь твоя пройдет незрима,
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле, —
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...

<Март 1850>

РИМ НОЧЬЮ

В ночи лазурной поживает Рим —
Взошла луна и овладела им,
И спящий град безлюдно-величавый
Наполнила своей безмолвной славой. . .

Как сладко дремлет Рим в ее лучах!
Как с ней сроднился Рима вечный прах! . .
Как будто лунный мир и град почивший —
Все тот же мир, волшебный, но
отживший. . .

<Июнь 1850>

* * *

Кончен пир, умолкли хоры.
Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты в кубках вины,
На главах венки измяты, —
Лишь курятся ароматы
В опустевшей светлой зале...
Кончив пир, мы поздно встали —
Звезды на небе сияли,
Ночь достигла половины...

Как над беспокойным градом,
Над дворцами, над домами,
Шумным уличным движеньем,
С тускло-рдяным освещеньем
И бессонными толпами, —
Как над этим дольным чадом,
В горнем выпрленном пределе,
Звезды чистые горели,
Отвечая смертным взглядам
Непорочными лучами!

<Июнь 1850>

НА НЕВЕ

И опять звезда ныряет
В легкой зыби невских волн,
И опять любовь вверяет
Ей таинственный свой челн.

И меж зыбью и звездой
Он скользит как бы во сне,
И два призрака с собою
Вдаль уносит по волне...

Дети: ль это праздной лени
Тратят здесь досуг ночной,
Иль блаженные две тени
Покидают мир земной?

Ты, разлитая как море,
Пышно-струйная волна,
Приюти в твоём просторе
Тайну скромного челна.

Июль 1850

* * *

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной,
Как бедный нищий, мимо саду
Бредет по жаркой мостовой;

Кто смотрит вскользь через ограду
На тень деревьев, злак долин,
На недоступную прохладу
Роскошных, светлых луговин.

Не для него гостеприимной
Деревья сенью разрослись,
Не для него как облак дымный
Фонтан на воздухе повис.

Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освежит.

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Как бедный нищий, мимо саду
Бредет по знойной мостовой.

Июль 1850

* * *

Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом,
И сквозь глянец их суровый
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом.

Сыплет искры золотые,
Сеет розы огневые,
И уносит их поток.
Над волной темнолазурной
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой венок...

12 августа 1850

Обвеян вещею дремотой,
Полураздетый лес грустит...
Из летних листьев разве сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на ветви шелестит.

Гляжу с участием умиленным,
Когда, пробившись из-за туч,
Вдруг по деревьям испещренным,
С их ветхим листьем изнуренным,
Молниевидный брызнет луч.

Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь, так немощно и хило,
В последний улыбнется раз!..

15 сентября 1850

ГРАФИНЕ Р<ОСТОПЧИНОЙ>

(В ответ на письмо)

Как под сугробом снежным лени,
Как околдованный зимой,
Каким-то сном усопшей тени
Я спал зарытый, но живой.

И вот, я чувю, надо мною,
Не наяву и не во сне,
Как бы повеяло весною,
Как бы запело о весне...

Знакомый голос, голос чудный
То лирный звук, то женский вздох...
Но я, ленивец беспробудный,
Я вдруг откликнуться не мог...

Я спал в оковах тяжкой лени,
Под осьмимесячной зимой,
Как дремлют праведные тени
Во мгле стигийской роковой.

Но этот сон полумогильный
Как надо мной ни тяготел,
Он сам же, чародей всесильный,
Ко мне на помощь подоспел.

Приязни давней выраженья
Он для меня их уловил
И в музыкальные виденья
Знакомый голос воплотил...

Вот вижу я, как бы сквозь дымки,
Волшебный сад, волшебный дом...
И в замке феи-нелюдимки
Вдруг очутились мы вдвоем.

Вдвоем! — И песнь ее звучала,
И от заветного крыльца
Гнала и буйного нахала,
Гнала и пошлого льстеца.

1850

* * *

Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит,
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.

Живя, умей все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит — и слава богу!

1850

* * *

Как ни дышит полдень знойный
В растворенное окно, —
В этой храме спокойной,
Где все тихо и темно,

Где живые благовонья
Бродят в сумрачной тени,
В сладкий сумрак полусонья
Погрузись и отдохни.

Здесь фонтан неутомимый
День и ночь поет в углу
И кропит росой незримой
Очарованную мглу.

И в мерцаньи полусвета,
Тайной страстью занята,
Здесь влюбленного поэта
Веет легкая мечта.

1850

ДВА ГОЛОСА

I

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!
Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы — молчат и оне.

Пусть в горнем Олимпе блаженствуют
боги:

Бессмертье их чуждо труда и тревоги,
Тревога и труд лишь для смертных сердец. . .
Для них нет победы, для них есть конец.

II

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба.

Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь роком.
Тот вырвал из рук их победный венец.

1850

* * *

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала.

И доносился порой
Все звуки жизни благодатной —
И все в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный и невнятный.

Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье:
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье...

Затих повсюду шум и гам,
И воцарилось молчанье —
Ходили тени по стенам
И полусонное мерцанье...

Украдкою в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлек, незримый, в царство теней.

<Май 1851>

* * *

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслед плывет.

На солнце ль радужно блистая,
Иль ночью, в поздней темноте, —
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной мете.

Все вместе — малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все — безразличны, как стихия, —
Сольются с бездной роковой...

О нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

<Май 1851>

ПЕРВЫЙ ЛИСТ

Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьям молодым
Стоят обвеяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачную, как дым...

Давно им грезилось весной,
Весной и летом золотым;
И вот живые эти грезы,
Под первым небом голубым,
Пробились вдруг на свет дневной...

О, первых листьев красота,
Омытых в солнечных лучах,
С новорожденною их тенью!
И слышно нам по их движенью,
Что в этих тысячах и тьмах
Не встретишь мертвого листа...

Май 1851

* * *

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел — спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебный взор и речи
И смех младенчески-живой?

И что ж теперь? И где все это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отреченья, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались воспоминанья...
Но изменили и оне...

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

Первая половина 1851

* * *

Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала ..
И над тусклою землею
Небо, полное грозою,
Все в зарницах трепетало.

Словно тяжкие ресницы
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загорались порою...

14 июля 1850(?)—14 июля 1851(?)

ВОЛНА И ДУМА

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихии одной!
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь — в заключении, там — на просторе:
Тот же все вечный прибой и отбой,
Тот же все призрак тревожно-пустой!

14 июля 1851

* * *

В разлуке есть высокое значенье —
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон — одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль будет пробужденье,
А должен наконец проснуться человек.

6 августа 1851

* * *

День вечерест, ночь близка,
Длинней с горы ложится тень,
На небе гаснут облака...
Уж поздно. Вечерест день.

Но мне не страшен мрак ночной.
Не жаль скудеющего дня,
Лишь ты, волшебный призрак мой,
Лишь ты не покидай меня!..

Крылом своим меня одень,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для очарованной души.

Кто ты? Откуда? Как решить,
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, может быть,
Но с страстной женскою душой.

1 ноября 1851

* * *

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набегит —
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

Как под незримую пятой,
Лесные гнутся исполины,
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаюсь меж собой, —
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...

1850—1851(?)

* * *

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?

Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была —
Ты, ты, мое земное провиденье!..

1851

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной,
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И. . . ; поединок роковой. . .

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изноет наконец. . .

1851(?)

* * *

Mobile comme l'onde 1

Ты, волна моя морская,
Своейравная волна,
Как, покоясь иль играя,
Чудной жизни ты полна!

Ты на солнце ли смеешься,
Отражая неба свод,
Иль мятешься ты и бьешься
В одичалой бездне вод, —

Сладок мне твой тихий шопот,
Полный ласки и любви;
Внятен мне и буйный ропот,
Стоны вещие твои.

Будь же ты в стихии бурной
То угрюма, то светла,
Но в ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.

---

1 Непостоянна, как волна (франц.). — *Ред.*

Не кольцо, как дар заветный,
В зыбь твою я опустил,
И не камень самоцветный
Я в тебе похоронил.

Нет, в минуту роковую,
Тайной прелестью влеком,
Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоём.

Апрель 1852

ПАМЯТИ В. А. ЖУКОВСКОГО

Я видел вечер твой. Он был прекрасен!
В последний раз прощаясь с тобой,
Я любовался им: и тих и ясен,
И весь насквозь проникнут теплотой...
О, как они и грели и сияли —
Твои, поэт, прощальные лучи...
А между тем заметно выступали
Уж звезды первые в его ночи...

В нем не было ни лжи, ни
раздвоенья —
Он все в себе мирил и совмещал.
С каким радушием благоволенья
Он были мне Омировы читал...
Цветущие и радужные были
Младенческих первоначальных лет!
А звезды между тем на них сводили
Таинственный и сумрачный свой свет..

Поистине, как голубь чист и цел
Он духом был, хоть мудрости змииной
Не презирал, понять ее умел,
Но веял в нем дух чисто-голубиный.
И эту духовной чистотою

Он возмужал, окреп и просветлел.
Душа его возвысилась до строю:
Он стройно жил, он стройно пел...

И этот-то души высокий строй,
Создавший жизнь его, проликий лиру,
Как лучший плод, как лучший подвиг свой,
Он завещал взволнованному миру...
Поймет ли мир, оценит ли его?
Достойны ль мы священного залога?
Иль не про нас сказала божество:
«Лишь сердцем чистые — те узрят бога!»
Конец июня 1852

* * *

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.

Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.

Но и в избытке упоенья
Нет упоения сильней
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей...

28 июля 1852

* * *

Чародейкою зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован,
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой. . .

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

31 декабря 1852

* * *

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним
живу я —
Но эта жизнь!.. о, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно
и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

1851—1852(?)

* * *

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я —
Я на тебя гляжу с досадою ревнивой.

И, жалкий чародей, перед волшебным
миром,
Мной созданным самим, без веры я стою —
И самого себя, краснея, узнаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.

1851—1852(?)

* * *

Чему молилась ты с любовью,
Что как святыню берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.

Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!

1851—1852(?)

Я очи знал, — о, эти очи!
Как я любил их, знает бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслажденье, утомленный
И, как страданье, роковой.

И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

1851—1852(?)

ВЕНЕЦИЯ

Дож Венеции свободной
Средь лазоревых зыбей,
Как жених порфирородный,
Достославно, всенародно
Обручался ежегодно
С Адриатикой своей...

И не даром в эти воды
Он кольцо свое бросал —
Веки целые, не годы
(Дивовалися народы)
Чудный перстень воеводы
Их вязал и чаровал...

И чета в любви и мире
Много славы нажила —
Века три или четыре,
Все могучее и шире,
Разрасталась в целом мире
Тень от львиного крыла.

А теперь? ..
В волнах забвенья
Сколько брошенных колец! ..

Миновались поколения —
Эти кольца обрученья,
Эти кольца стали звенья
Тяжкой цепи наконец!..

<1852>

НЕМАН

Ты ль это, Неман величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты, столько лет, с такою славой,
России верный часовой? . .
Один лишь раз, по воле бога,
Ты супостата к ней впустил —
И целость русского порога
Ты тем навеки утвердил. . .

Ты помнишь ли бывшее, Неман?
Тот день години роковой,
Когда стоял он над тобой,
Он сам — могучий, южный демон, —
И ты, как ныне, протекал,
Шумя под вражьими мостами,
И он струю твою ласкал
Своими чудными очами? . .

Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели —
И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними

И двигал всем и все стерег
Очами чудными своими...

Лишь одного он не видал...
Не видел он, воитель дивный,
Что там, на стороне противной,
Стоял *Другой* — стоял и ждал...
И мимо проходила рать —
Всё грозно-боевые лица,
И неизбежная десница
Клала на них свою печать...

И так победно шли полки,
Знамена гордо развевались,
Струились молнией штыки,
И барабаны заливались...
Несметно было их число —
И в этом бесконечном строе
Едва ль десятое чело
Клеймо минуло роковое...

Начало сентября 1853

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там на западе бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.
1853(?)

ЛЕТО 1854

Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство —
И как, прошу, далось нам это
Так ни с того и ни с сего?..

Гляжу тревожными глазами
На этот блеск, на этот свет...
Не издеваются ль над нами?
Откуда нам такой привет?

Увы, не так ли молодая
Улыбка женских уст и глаз,
Не восхищая, не прельщая,
Под старость лишь смущает нас!..

5—11 августа 1854(?)

* * *

Увы, что́ нашего незнанья
И беспомощней и грустней?
Кто смеет молвить: *до свиданья!*
Чрез бездну двух или трех дней?

11 сентября 1854

〈ЭПИТАФИЯ НИКОЛАЮ I〉

Не богу ты служил и не России —
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Все было ложь в тебе, все призраки
пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

Вторая половина февраля 1855

* * *

Пламя рдеет, пламя пышет,
Искры брызжут и летят,
А на них прохладой дышит
Из-за речки темный сад.
Сумрак тут, там жар и крики —
Я брожу как бы во сне, —
Лишь одно я живо чую:
Ты со мной и вся во мне.

Треск за треском, дым за дымом,
Трубы голые торчат,
А в покое нерушимом
Листья веют и шуршат.
Я, дыханьем их обвеян,
Страстный говор твой ловлю...
Слава богу, я с тобою,
А с тобой мне как в раю.

10 июля 1855

* * *

Вот от моря и до моря
Нить железная скользит,
Много славы, много горя
Эта нить порой гласит.

И, за ней следя глазами,
Путник видит, как порой
Птицы вещие садятся
Вдоль по нити вестовой.

Вот с поляны ворон черный
Прилетел и сел на ней,
Сел, и каркнул, и крылами
Замахал он веселей.

И кричит он, и ликует,
И кружится все над ней:
Уж не кровь ли ворон чует
Севастопольских вестей?

13 августа 1855

* * *

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабочем виде царь небесный
Исходил благословляя.

13 августа 1855

ГРАФИНЕ РОСТОПЧИНОЙ

О, в эти дни, дни роковые,
Дни испытаний и утрат,
Отраден будь для ней возврат
В места, душе ее родные!

Пусть добрый, благосклонный гений
Скорей ведет навстречу к ней
И горсть живых еще друзей
И столько милых, милых теней!

16 октября 1855

* * *

Так в жизни есть мгновения —
Их трудно передать,
Они самозабвения
Земного благодать.
Шумят верхи древесные
Высоко надо мной,
И птицы лишь небесные
Беседуют со мной.
Все пошлое и ложное
Ушло так далеко,
Все мило-невозможное
Так близко и легко.
И любо мне, и сладко мне,
И мир в моей груди,
Дремотою обвеян я —
О время, погоди!

1855

* * *

О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так, ты жимица двух миров,
Твой день — болезненный и страстный,
Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

1855

* * *

Отрадно спать — отрадней камнем быть.
О, в этот век — преступный и постыдный —
Не жить, не чувствовать — удел
завидный. . .
Прошу: молчи — не смей меня будить.

1855

Стоим мы слепо пред Судьбою.
 Не нам сорвать с нее покров...
 Я не свое тебе открою,
 А бред пророческих духов...

Еще нам далеко до цели,
 Гроза ревет, гроза растет, —
 И вот в железной колыбели,
 В громах родился новый год.

Черты его ужасно строги,
 Кровь на руках и на челе,
 Но не одни войны тревоги
 Принес он людям на земле.

Не просто будет он воитель,
 Но исполнитель божьих кар, —
 Он совершит, как поздний мститель,
 Давно задуманный удар.

Для битв он послан и расправы,
 С собой принес он два меча:
 Один — сражений меч кровавый,
 Другой — секиру палача.

Но для кого?.. Одна ли выя,
Народ ли целый обречен?..
Слова неясны роковые,
И смутен замогильный сон.

31 декабря 1855

* * *

Все, что сберець мне удалось
Надежды, веры и любви,
В одну молитву все слилось:
Переживи, переживи!

8 апреля 1856

Н. Ф. ЩЕРБИНЕ

Вполне понятно мне значенье
Твоей болезненной мечты,
Твоя борьба, твое стремленье,
Твое тревожное служенье
Пред идеалом красоты...

Так узник эллинский, порою
Забывшись сном среди степей,
Под скифской вьюгой снеговою
Свободой бредил золотою
И небом Греции своей.

4 февраля 1857.

* * *

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..

Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,

Раствление душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа... .

15 августа 1857

* * *

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все — простор везде,
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

22 августа 1857

* * *

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней какою негой веет
От каждой ветки и листа!

Войдем и сядем над корнями
Дерев, поймых родником,
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.

Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены,
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины...

Август 1857

* * *

В часы, когда бывает
Так тяжело на груди,
И сердце изнывает,
И тьма лишь впереди,

Без сил и без движенья,
Мы так удручены,
Что даже утешенья
Друзей нам не смешны, —

Вдруг солнца луч приветный
Войдет украдкой к нам
И брызнет огнецветной
Струюю по стенам;

И с тверди благосклонной,
С лазуревых высот
Вдруг воздух благовонный
В окно на нас пахнет...

Уроков и советов
Они нам не несут,
И от судьбы наветов
Они нас не спасут.

Но силу их мы чуем,
Их слышим благодать,
И меньше мы тоскуем,
И легче нам дышать. . .

Так мило-благодатна,
Воздушна и светла
Душе моей стократно
Любовь твоя была.

<Апрель 1858>

* * *

Она сидела на полу
И грудю писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

О, сколько жизни было тут,
Невозвратно пережитой,
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, —
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

<Апрель 1858>

УСПОКОЕНИЕ

Когда, что звали мы своим,
Навек от нас ушло
И, как под камнем гробовым,
Нам станет тяжело, —

Пойдем и взглянем вдоль реки,
Туда, по склону вод,
Куда стремглав бегут струи,
Куда поток несет, —

Неодолим, неудержим,
И не вернется вспять...
И чем мы долее глядим,
Тем легче нам дышать...

И слезы льются из очей,
И видим мы сквозь слез,
Как все быстрее и быстрее
Волненье понеслось...

Душа впадает в забытье,
И чувствует она,
Что вот умчала и ее
Великая волна.

15 августа 1858

* * *

Осенней позднею порою
Люблю я царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою
Как бы дремотою объят.
И белокрылые виденья,
На тусклом озера стекле,
В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле...

И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров.
И сад темнеет, как дуброва,
И при звездах из тьмы ночной,
Как отблеск славного былого,
Выходит купол золотой.

22 октября 1858

НА ВОЗВРАТНОМ ПУТИ

I

Грустный вид и грустный час —
Дальний путь торопит нас...
Вот, как призрак гробовой,
Месяц встал — и из тумана
Осветил безлюдный край...
Путь далек — не унывай...

Ах, и в этот самый час,
Там, где нет теперь уж нас,
Тот же месяц, но живой,
Дышит в зеркале Лемана...
Чудный вид и чудный край —
Путь далек — не вспоминай...

II

Родной ландшафт... Под дымчатым
навесом
Огромной тучи снеговой
Синеет даль — с ее угрюмым лесом
Окуганным осенней мглой...
Все голо так — и пусто-необъятно
В однообразии немом...

Местами лишь просвечивают пятна
Стоячих вод, покрытых первым
льдом.

Ни звуков здесь, ни красок, ни
движенья —

Жизнь отошла — и, покорясь судьбе,
В каком-то забытьи изнеможенья,
Здесь человек лишь снится сам
себе.

Как свет дневной, его тускнеют взоры.
Не верит он, хоть видел их вчера,
Что есть края, где радужные горы
В лазурные глядятся озера...

Конец октября 1859

* * *

Хоть я и свил гнездо в долине,
Но чувствую порой и я,
Как животворно на вершине
Бежит воздушная струя,
Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,
Как все удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть...

На недоступные громады
Смотрю по целым я часам —
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам!
Вдруг просветлеют огнецветно
Их непорочные снега:
По ним проходит незаметно
Небесных ангелов нога...

10 октября 1860(?)

НА ЮБИЛЕЙ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКОГО

У музы есть различные пристрастья,
Дары ее даются не равно;
Стократ она божественнее счастья,
Но своенравна, как оно.

Иных она лишь на заре лелеет,
Целует шелк их кудрей молодых,
Но ветерок чуть жарче лишь повеет —
И с первым сном она бежит от них.

Тем у ручья, на луговине тайной,
Нежданная является порой,
Порадует улыбкою случайной,
Но после первой встречи — нет второй!

Не то от ней присуждено вам было:
Вас, юношей, настигнув в добрый час,
Она в душе вас крепко полюбила
И долго всматривалась в вас.

Досужая, она не мимоходом
Пеклась о вас, ласкала, берегла,
Растила ваш талант, и с каждым годом
Любовь ее нежнее все была.

И как с годами крепнет, пламенея,
Сок благородный виноградных лоз, —
И в кубок ваш все жарче и светлее
Так вдохновение лилось.

И никогда таким вином, как ныне,
Ваш славный кубок венчан не бывал.
Давайте ж, князь, подыдем в честь богине
Ваш полный, пенистый фиал!

Богине в честь, хранящей благородно
Залог всего, что свято для души,
Родную речь... расти она свободно
И подвиг свой великий доверши!

Потом мы все, в молитвенном молчанье,
Священные поминки сотворим,
Мы сотворим тройное возлиянье
Трем незабвенно-дорогим.

Нет отклика на голос, их зовущий.
Но в светлый праздник ваших именин
Кому ж они не близки, не присущи —
Жуковский, Пушкин, Карамзин!..

Так верим мы, незримыми гостями
Теперь они, покинув горный мир,
Сочувственно витают между нами
И освящают этот пир.

За ними, князь, во имя музы вашей,
Подносим вам заздравное вино,
И долго-долго в этой светлой чаше
Пускай кипит и искрится оно!..

Конец февраля — начало марта 1861(?)

* * *

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж. тонет в небе голубом...

И все еще была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,
Когда, незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы...

Вся жизнь ее тогда была
Так совершенна, так цела,
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе — как звезда.

27 марта 1861

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Теперь не то, что за полгода,
Теперь не тесный круг друзей —
Сама великая природа
Ваш торжествует юбилей.

Смотрите, на каком просторе
Она устроила свой пир, —
Весь этот берег, это море,
Весь этот чудный летний мир.

Смотрите, как, облитый светом,
Ступив на крайнюю ступень,
С своим прощается поэтом
Великолепный этот день...

Фонтаны плещут тиховейно,
Прохладой сонной дышит сад,
И так над вами юбилейно
Петровы липы здесь шумят!

12 июля 1861

* * *

И играй, покуда над тобою
Еще безоблачна лазурь,
Играй с людьми, играй с судьбою,
Ты — жизнь, назначенная к бою,
Ты — сердце, жаждущее бурь...

Как часто, грустными мечтами
Томимый, на тебя гляжу,
И взор туманится слезами...
Зачем? Что общего меж нами?
Ты жить идешь — я ухожу...

Я слышал утренние грезы
Лишь пробудившегося дня —
Но поздние, живые грозы,
Но взрыв страстей, но страсти слезы,
Нет, это все не для меня...

Но, может быть, под зноем лета
Ты вспомнишь о своей весне...
О, вспомни и про время это,
Как о забытом до рассвета,
Нам смутно грезившемся сне.

25 июля 1861

А. А. ФЕТУ

Тебе сердечный мой поклон
И мой, каков ни есть, портрет, —
И пусть, сочувственный поэт,
Тебе, хоть молча, скажет он,
Как дорог был мне твой привет,
Как им в душе я умилен.

Иным достался от природы
Инстинкт пророчески-слепой:
Они им чувят, слышат воды
И в темной глубине земной...

Великой матерью любимый,
Стократ завидней твой удел:
Не раз под оболочкой зримой
Ты самое ее узрел...

1861

Н. П. КРОЛЮ

Сентябрь холодный бушевал,
С деревьев ржавый лист валился.
День потухающий дымился,
Сходила ночь, туман вставал.

И всё для сердца и для глаз
Так было холодно-бесцветно,
Так было грустно-безответно, —
Но чья-то песнь вдруг раздалась ..

И вот, каким-то обаяньем,
Туман, свернувшись, улетел;
Небесный свод поголубел
И вновь подернулся сияньем...

И все опять зазеленело,
Все обратилось к весне...
И эга греза снилась мне,
Пока мне птичка ваша пела.

Сентябрь 1863

Н. С. АКИНФЕВОЙ

Как летней иногда порою
Вдруг птичка в комнату влетит,
И жизнь и свет внесет с собою,
Все огласит и озарит;

Весь мир, цветущий мир природы,
В наш угол вносит за собой —
Зеленый лес, живые воды
И отблеск неба голубой, —

Так мимолетной и воздушной
Явилась гостьей к нам она,
В наш мир и чопорный и душный,
И пробудила всех от сна.

Ее присутствием согрета,
Жизнь встрепенулася живей,
И даже питерское лето
Чуть не оттаяло при ней.

При ней и старость молодеда,
И опыт стал учеником,
Она вертела как хотела
Дипломатическим клубком.

И самый дом наш будто ожил,
Ее жилищею избрав,
И нас уж менее тревожил
Неугомонный телеграф. . .

Но кратки все очарованья,
Им не дано у нас гостить,
И вот сошлись мы — для прощанья, —
Но долго, долго не забыть

Нежданно-милых впечатлений,
Те ямки розовых ланит,
Ту негу стройную движений
И стан, оправленный в магнит,

Радужный смех и звучный голос,
Полулукавый свет очей,
И этот длинный, тонкий волос
Едва доступный пальцам фей.

* * *

Утихла биза... Легче дышит
Лазурный сонм женевских вод,
И лодка вновь по ним плывет,
И снова лебедь их колышет.

Весь день, как летом, солнце
греет,
Деревья блещут пестротой,
И воздух ласковой волной
Их пышность ветхую лелеет.

А там, в торжественном покое,
Разоблаченная с утра,
Сияет Белая гора
Как откровенье неземное.

Здесь сердце так бы все забыло,
Забыло б муку всю свою,
Когда бы там — в родном краю —
Одной могилой меньше было...

11 октября 1864

* * *

Как неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышит в ней,
Мы смотрим с трепетом тревожным
На тихий свет ее очей.

Земное ль в ней очарованье,
Иль неземная благодать?
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвется обожать...

3 ноября 1864

* * *

Весь день она лежала в забытьи,
И всю ее уж тени покрывали.
Лил теплый летний дождь — его
струи
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала — увлечена,
Погружена в сознательную думу...

И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О, как все это я любила!»

. . . . .

Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому еще не удавалось!
О господи!.. и это пережить...
И сердце на клочки не разорвалось.
Август—декабрь 1864(?)

* * *

О, этот юг! о, эта Ницца! ..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет — и не может...
Нет ни полета, ни размаху:
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

Декабрь 1864

Как хорошо ты, о море ночное, —
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...

На бесконечном, на вольном
просторе
Блеск и движение, грохот и гром...
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдьи ночном!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят с высоты.

В этом волнении, в этом сиянии,
Весь как во сне я потерян стою —
О, как охотно бы в их обаянии
Всю потопил бы я душу свою...

2 января 1865

Когда на то нет божьего согласия,
Как ни страдай она, любя, —
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...

Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови.

Он милосердный, всемогущий,
Он, греющий своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском.

11 января 1865

«К СТОЛЕТНЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ЛОМОНОСОВА»

Он, умирая, сомневался,
Зловещей думою томим...
Но бог недаром в нем сказался —
Бог верен избранным своим...

Сто лет прошли в труде и горе —
И вот, мужая с каждым днем,
Родная речь уж на просторе
Поминки празднует по нем...

Уж не опутанная боле,
От прежних уз отрешена,
На всей своей разумной воле
Его приветствует она...

И мы, признательные внуки,
Его всем подвигам благим
Во имя правды и науки
Здесь *память вечную* гласим.

Да, велико его значенье —
Он, верный русскому уму,
Завоевал нам просвещение,
Не нас поработил ему, —

Как тот борец ветхозаветный,
Который с силой неземной
Боролся до звезды рассветной
И устоял в борьбе ночной.

Начало апреля 1865

* * *

Est in arundineis modulatio musica ripis. ¹

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

11 мая 1865

---

¹ Есть музыкальный строй в прибрежных тростниках (латинск.). — *Ред.*

15 ИЮЛЯ 1865 г.

Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло
С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.

И вот уж год, без жалоб, без
упреку,
Утратив все, приветствую судьбу...
Быть до конца так страшно одиноку,
Как буду одинок в своем гробу.

15 июля 1865

ВОСХОД СОЛНЦА

Молчит сомнительно восток,
Повсюду чуткое молчанье...
Что это? Сон иль ожиданье,
И близок день или далек?

Чуть-чуть белеет темя гор,
Еще в тумане лес и доли,
Спят города, и дремлют селы...
Но к небу подымите взор.

Смотрите: полоса видна,
И, словно скрытной страстью одя,
Она все ярче, все живее —
Вся разгорается она!

Еще минута — и во всей
Неизмеримости эфирной
Раздастся благовест всемирный
Победных солнечных лучей...

29 июля 1865

НАКАНУНЕ ГОДОВЩИНЫ
4 АВГУСТА 1864 г.

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня,
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Все темней, темнее над землею —
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

3 августа 1865

* * *

Как неожиданно и ярко,
По влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своем минутном торжестве!
Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла —
Она полнеба обхватила
И в высоте изнемогла.

О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его — лови скорей!
Смотри — оно уж побледнело,
Еще минута, две — и что ж?
Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь.

5 августа 1865

* * *

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сон.
Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса.
И вот опять все потемнело,
Все стихло в чуткой темноте —
Как бы таинственное дело
Решалось там, на высоте.

18 августа 1865

* * *

Нет дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала б о былом,
Искала слов, не находила,
И сохла, сохла с каждым днем, —

Как тот, кто жгучею тоскою
Томился по краю родном
И вдруг узнал бы, что волною
Он схоронен на дне морском.

23 ноября 1865

* * *

Как ни бесилося злоречье,
Как ни трудилось над ней,
Но этих глаз чистосердечье —
Оно всех демонов сильней.

Все в ней так искренно и мило.
Так все движенья хороши;
Ничто лазури не смутило
Ее безоблачной души.

К ней и пылинка не пристала
От глупых сплетней, злых речей;
И даже клевета не смяла
Воздушный шелк ее кудрей.

21 декабря 1865

* * *

Есть и в моем страдальческом застое
Часы и дни ужаснее других...
Их тяжкий гнет, их бремя роковое
Не выскажет, не выдержит мой стих.

Вдруг все замрет. Слезам и
умиленно
Нет доступа, все пусто и темно,
Минувшее не веет легкой тенью,
А под землей, как труп, лежит оно.

Ах, и над ним в действительности
ясной.
Но без любви, без солнечных лучей,
Такой же мир бездушный и бесстрастный,
Не знающий, не помнящий о ней.

И я один с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу —
Разбитый челн, заброшенный волною,
На безымянном диком берегу.

О господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассей —

Ты взял ее, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней, —

По ней, по ней, свой подвиг
совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям и судьбе, —

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.

1865

* * *

Тихо в озере струится
Отблеск кровель золотых,
Много в озеро глядится
Достославностей былых.
Жизнь играет, солнце греет,
Но под нею и под ним
Здесь бывшее чудно веет
Обаянием своим.

Солнце светит золотое,
Блещут озера струи...
Здесь великое бывшее
Словно дышит в забытьи;
Дремлет сладко, беззаботно,
Не смущая дивных снов
И тревогой мимолетной
Лебединых голосов...

Июль 1866

* * *

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать, —

Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;

От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир;

От желчи горького сознания,
Что нас поток уж не несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;

Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор, —
И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.

Сентябрь 1866

* * *

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только *верить*.

28 ноября 1866

* * *

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?

Ужель навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твой рассыплется лучи?

Все гуще мрак, все пуше горе,
Все неминуемей беда —
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись — теперь иль никогда...

30 декабря 1866

СЛАВЯНАМ

Man muss die Slaven an die Mauer drücken.¹

Они кричат, они грозятся:
«Вот к стенке мы славян прижмем!»
Ну, как бы им не оборваться
В задорном натиске своем! ..

Да, стенка есть — стена
большая, —

И вас нетрудно к ней прижать,
Да польза-то для них какая?
Вот, вот что трудно угадать.

Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала, —
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла...

Ее не раз и штурмовали,
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступали
С разбитым лбом богатыри...

---

¹ Славян должно прижать к стене (нем.). — *Ред.*

Стоит она, как и стояла,
Твердыней смотрит боевой;
Она не то чтоб угрожала,
Но... каждый камень в ней
живой...

Так пусть же бешеным напором
Теснят вас немцы и прижмут
К ее бойницам и затворам, —
Посмотрим, что они возьмут!

Как ни бесись вражда слепая,
Как ни грози вам буйство их, —
Не выдаст вас стена родная,
Не оттолкнет она своих.

Она расступится пред вами
И, как живой для вас оплот,
Меж вами станет и врагами
И к ним поближе подойдет.

16 мая 1867

* * *

Как ни тяжел последний час —
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья, —
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья.

14 октября 1867

〈ЭПИГРАММА НА ГРАФА
П. А. ШУВАЛОВА〉

Над Россией распростертой
Встал внезапно грозой
Петр, по прозвищу *четвертый*.
Аракчеев же *второй*.

1867(?)

**<ЭПИГРАММА НА ЦЕНЗУРНОЕ
ВЕДОМСТВО>**

Печати русской доброхоты,
Как всеми вами, господа,
Тошнит ее — но вот беда,
Что дело не дойдет до рвоты.

Апрель 1868

* * *

Опять стою я над Невой,
И снова, как в былые годы,
Смотрю и я, как бы живой,
На эти дремлющие воды.

Нет искр в небесной синеве,
Все стихло в бледном обаянье,
Лишь по задумчивой Неве
Струится лунное сиянье.

Во сне ль все это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне
С тобой живые мы глядели?

Июнь 1868

ПОЖАРЫ

Широко, необозримо,
Грозной тучею сплошной,
Дым за дымом, бездна дыма
Тяготее над землей.

Мертвый стелется кустарник,
Травы тлятся, не горят,
И сквозит на крае неба
Обожженных елей ряд.

На пожарище печальном
Нет ни искры — дым один:
Где ж огонь, злой истребитель,
Полномочный властелин?

Лишь украдкой, лишь местами,
Словно красный зверь какой,
Пробираясь меж кустами,
Пробежит огонь живой!

Но когда наступит сумрак,
Дым сольется с темнотой,
Он потешными огнями
Весь осветит лагерь свой.

Пред стихийной вражьей силой
Молча, руки опустя,
Человек стоит уныло —
Беспомощное дитя.

16 июля 1868

* * *

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...

Час от часу жар сильней,
Тень ушла к немym дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.

Чудный день! Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.

2 августа 1868

〈ИЗДАТЕЛЮ ГАЗЕТЫ „ВЕСТЬ“〉

Вы не родились поляком,
Хоть шляхтич вы по направлению,
А русский вы — сознайтесь в том —
По Третьему лишь отделению.

Слуга влиятельных господ,
С какой отвагой благородной
Громите речью вы свободной
Всех тех, кому зажали рот!

Недаром вашим вы пером
Аристократии служили —
В какой лакейской изучили
Вы этот рыцарский прием?

Первая половина января 1869

* * *

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

27 февраля 1869

* * *

Две силы есть — две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, —
Одна есть смерть, другая — суд
людской.

И та и тот равно неотразимы,
И безответственны и тот и та,
Пощады нет, протесты нетерпимы,
Их приговор смыкает всем уста...

Но смерть честней — чужда
лицеприятью,
Не тронута ничем, не смущена,
Смиренную иль ропщущую братью —
Своей косою равняет всех она.

Свет не таков: борьбы, разноголосья
Ревнивый властелин — не терпит он,
Не косит сплошь, но лучшие колосья
Нередко с корнем вырывает вон.

И горе ей, уввы, двойное горе,
Той гордой силе, гордо-молодой,

Вступающей с решимостью во взоре,
С улыбкой на устах — в неравный бой.

Когда она, при роковом сознании
Всех прав своих, с отвагой красоты,
Бестрепетно, в каком-то обаянии
Идет сама навстречу клеветы,

Личиною чела не прикрывает,
И не дает принизиться челу,
И с кудрей молодых, как пыль, свевает
Угрозы, брань и страстную хулу, —

Да, горе ей — и чем

простосердечней,

Тем кажется виновнее она...

Таков уж свет: он там бесчеловечней,
Где человечно-искренней вина.

Март 1869

* * *

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Август 1869

СОВРЕМЕННОЕ

Флаги веют на Босфоре,
Пушки празднично гремят,
Небо ясно, блещет море,
И ликует Цареград.

И недаром он ликует:
На волшебных берегах
Ныне весело пирует
Благодушный падишах.

Угощает он на славу
Милых западных друзей —
И свою бы всю державу
Заложил для них, ей-ей.

Из премудрого далёка
Франкистанской их земли
Погулять на счет пророка
Все они сюда пришли.

Пушек гром и мусикия!
Здесь Европы всей привал,
Здесь все силы мировые
Свой справляют карнавал.

И при криках иступленных
Бойкий западный разгул
И в гаремах потаенных
Двери настежь распахнул.

Как в роскошной этой раме
Дивных гор и двух морей
Веселится об исламе
Христианский съезд князей!

И конца нет их приветам,
Обнимает брата брат...
О, каким отрадным светом
Звезды Запада горят!

И всех ярче и милее
Светит тут звезда одна,
Коронованная фея,
Рима дочь, его жена.

С пресловутого театра
Всех изяществ и затей,
Как вторая Клеопатра,
В сонме царственных гостей,

На Восток она явилась,
Всем на радость, не на зло,
И пред нею все склонилось:
Солнце с Запада взошло!

Только там, где тени бродят
По долинам и горам

И куда уж не доходят
Эти клики, этот гам, —

Только там, где тени бродят,
Там в ночи из свежих ран
Кровью медленно исходят
Миллионы христиан...

Первая половина октября 1869

А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГУ

Спешу поздравить с неудачей:
Она — блистательный успех,
Для вас почетна наипаче
И назидательна для всех.

Что русским словом столько лет
Вы славно служите России,
Про это знает целый свет,
Не знают немцы лишь родные.

Ах, нет, то знают и они;
И что в славянском вражьем мире
Вы совершили — вы одни, —
Все ведают, et inde irae! .: ¹

Во всем обширном этом крае
Они встречали вас не раз,
В Балканах, Чехах, на Дунае —
Везде, везде встречали вас.

И как же мог бы без измены,
Высокодоблестный досель,

---

¹ И отсюда гнев (латинск.). — *Ред.*

В академические стены,
В заветную их цитадель,

Казною русской содержимый
Для этих славных оборон,
Вас, вас впустить — непобедимый
Немецкий храбрый гарнизон?

17 декабря 1869

Ю. Ф. АБАЗЕ

Так — гармонических орудий
Власть беспредельна над душой,
И любят все живые люди
Язык их темный, но родной.

В них что-то стонет, что-то бьется,
Как в узах заключенный дух
На волю просится и рвется
И хочет высказаться вслух...

Не то совсем при вашем пенье,
Не то мы чувствуем в себе:
Тут полнота освобожденья,
Конец и плену и борьбе...

Из тяжелой вырвавшись юдоли
И все оковы разреша,
На всей своей ликует воле
Освобожденная душа...

По всемогущему призыву
Свет отделяется от тьмы,
И мы не звуки — *душу живу,*
В них вашу душу слышим мы.

22 декабря 1869

К. Б.

Я встретил вас — и все бывшее
В отжившем сердце оживо,
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло... .

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, —

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты... .

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне,
И вот — слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне... .

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!.. .

26 июля 1870

ДВА ЕДИНСТВА

Из переполненной господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет
в ней.

Кровь хлынет и на вас, друзья и братья
наши! —

Славянский мир, сомкнись тесней...

«Единство, — возвестил оракул наших
дней, —

Быть может спаяно железом лишь и
кровью»...

Но мы попробуем спаять его любовью —

А там увидим, что прочней...

Сентябрь 1870

〈В АЛЬБОМ П. А. ВАКАРА〉

Велению высшему покорны,
У мысли стоя на часах,
Не очень были мы задорны,
Хотя и с штуцером в руках.

Мы им владели неохотно,
Грозили редко и скорей
Не арестантский, а почетный
Держали караул при ней.

27 октября 1870

* * *

Брат, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушел, куда мы все идем,
И я теперь на голой вышине
Стою один, — и пусто все кругом.

И долго ли стоять тут одному?
День, год-другой — и пусто будет там,
Где я — теперь, смотря в ночную тьму
И, что со мной, не сознавая сам...

Бесследно все, и так легко не быть!
При мне иль без меня — что нужды
в том?
Все будет то ж — и выюга так же выть,
И тот же мрак, и та же степь кругом.

Дни сочтены, утрат не перечесть,
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я, как есть,
На роковой стою очереди.

11 декабря 1870

<КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ>

Да, вы сдержали ваше слово:
Не двинув пушки, ни рубля,
В свои права вступает снова
Родная русская земля.

И нам завещанное море
Опять свободно волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной.

Счастливы в наш век, кому победа
Далась не кровью, а умом,
Счастливы, кто точку Архимеда
Умел сыскать в себе самом,

Кто полный бодрого терпенья
Расчет с отвагой совмещал —
То сдерживал свои стремленья,
То своевременно дерзал.

Но кончено ль противоборство?
И как могучий ваш рычаг
Осилит в умниках упорство
И бессознательность в глупцах?

Вторая половина октября—декабрь 1870(?)

А. В. ПЛ-ВОЙ

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескучеющая сила,
Есть и нетленная краса.

И увядание земное
Цветов не тронет неземных,
И от полуденного зноя
Роса не высохнет на них.

И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не все, что здесь цвело, увянет,
Не все, что было здесь, пройдет!

Но этой веры для немногих
Лишь тем доступна благодать,
Кто в искушеньях жизни строгих,
Как вы, умел, любя, страдать, —

Чужие врачевать недуги
Своим страданием умел,
Кто душу положил за други
И до конца все претерпел.

1870

* * *

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...

Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело.
Красуются, шумят — и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих лишь грезю природы.

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной
бездной.

17 августа 1871

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее издание избранных стихотворений Тютчева входят наиболее выдающиеся образцы его личной и философской лирики, ряд наиболее значительных стихов на общественно-политические темы и некоторые переводы в стихах.

Отделять личную лирику Тютчева от его так называемых «политических стихов», как это раньше обычно делалось, как это порой делается даже и сейчас, глубоко неправильно. Тютчев живо откликался на самые различные стороны бытия, личное и общественное были органически слиты в нем друг с другом, и искусственно разъединять их — значило бы не только обеднять, но и разрушать живой и целостный облик поэта. Так же трудно провести грань между его переводными стихами и оригинальным творчеством, поскольку и на его переводах обычно лежит такая глубокая печать индивидуальности, неповторимого своеобразия, что многие из них даже неправильно называют переводами. Поэтому все стихотворения, входящие в настоящее издание, расположены в хронологическом порядке их написания.

Чрезвычайно сложно установление последней авторской воли Тютчева в отношении текста его стихов. В двух прижизненных изданиях его произведений, вышедших в 1854 и 1868 годах, сам поэт не принимал почти никакого участия. В то же время, как это установлено советскими исследователями, ряд его стихов, в особенности из числа опубликованных Пушкиным в «Современнике», подвергся в дальнейшем самовольным редакторским искажениям, в результате чего было в значительной степени стерто смелое новаторство и единственное в своем роде художественное своеобразие некоторых значительнейших его созданий (см. мою статью «Тургенев — редактор Тютчева» в сборнике «Тургенев и его время», М., 1923, и статью К. В. Пигарева «Судьба литературного наследства Ф. И. Тютчева» в «Литературном наследстве», вып. 19—21, 1935). Стремясь устранить эти искажения, редактор первых советских изданий Тютчева Г. И. Чулков положил в основу даваемого им текста не печатные, а почти исключительно рукописные источники. Эта противоположная крайность была в значительной степени устранена в изданиях Тютчева, вышедших в 1936 и в 1939 годах сперва в малой, а затем в большой серии «Библиотеки поэта». Редактор этих изданий К. В. Пигарев правильно указал на то, что «Г. И. Чулков нередко отдавал автографам неза-

служенное предпочтение перед авторитетными списками и ничем не опороченными печатными текстами» и что «полное игнорирование прижизненных изданий Тютчева, в особенности сборника 1854 года, невозможно». Однако и К. В. Пигарев не всегда последовательно проводил этот принцип, а порой допускал и субъективные решения. В основном опираясь на текст предыдущих изданий «Библиотеки поэта», как на наиболее авторитетный, установленный в результате очень большого и вдумчивого редакторского труда, мы были вынуждены в отдельных случаях непоследовательность и элементы субъективизма по возможности устранить.

Сложен и вопрос о датировке многих стихов Тютчева.

Исходя из дат цензурных разрешений журналов и альманахов, в которых впервые появились данные стихотворения Тютчева, мы получили возможность в ряде случаев уточнить некоторые чересчур широкие и неопределенные датировки. В тексте предположительные даты сопровождаются вопросительным знаком. В угловые скобки заключены даты, не позднее которых, исходя из первой публикации или тех либо иных свидетельств, написаны данные стихотворения.

К о д е П у ш к и н а н а в о л ь н о с т ь.
Ода «Вольность» была написана Пушкиным

в конце 1817 года, но получила широкую известность с конца 1819 года, за несколько месяцев до высылки поэта (6 мая 1820 года) на юг, причиной которой в значительной степени явилась именно эта ода.

М. П. Погодин 1 ноября 1820 года отметил в своем дневнике разговор с ним Тютчева о пушкинской оде «Вольность». Повидимому, вскоре после этого и написано стихотворение Тютчева. *Алцей* — знаменитый древнегреческий поэт Алкей (VII—VI века до н. э.), автор политических стихотворений, проникнутых ненавистью к тиранам. Слова «Проснулся в лире дух Алцея» и т. п. связаны с начальной строфой пушкинской оды:

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица? —
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.

С л е з ы. Эпиграф — из стихотворения английского поэта Томаса Грея (1716—1771), который сперва писал свои стихи на латинском языке. *Пафосская царица*. — Остров Пафос считался в древнегреческой мифоло-

гини излюбленным местопребыванием богини любви и красоты Афродиты; здесь же было средоточие ее культа. *Пафосская* — старинная форма родительного падежа единственного числа прилагательных женского рода.

К Н. Адресат стихотворения неизвестен. *Горé* — в высоте, на небе.

Проблеск. *Воздушная арфа* — эолова арфа, музыкальный инструмент, состоящий из деревянного ящика, в котором натянуты струны, издающие от движения воздуха музыкальные созвучия. Эолова арфа имелась у воспитателя Тютчева, поэта С. Е. Раича (1792—1855). *Зефир* — легкий ветерок.

С чужой стороны. Перевод стихотворения немецкого поэта Г. Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...» («Сосна стоит одиноко»). Это первый перевод Гейне на русский язык. Из позднейших многочисленных переводов этого стихотворения особенную популярность приобрела «Сосна» («На севере диком стоит одиноко...») Лермонтова.

Весенняя гроза. *Геба* — в древнегреческой мифологии богиня вечной юности, разносившая богам во время их трапез нектар и амброзию. *Зевсова орла*. — Зевс —

верховное божество неба и земли в греч. мифологии. Зевс обычно изображался вместе с орлом-громометателем — символом его могущества и власти.

Могилა Наполеона. Скала — остров св. Елены в Атлантическом океане, где Наполеон провел последние шесть лет жизни в английском плену. Две отсутствующие строки второй строфы, замененные при публикации многоточием, были, очевидно, не пропущены царской цензурой и до нас не дошли. *Перун* — древнеславянское божество грома и молнии.

Видение. *Атлас* — в древнегреческой мифологии один из титанов, осужденный Зевсом за участие в восстании титанов против богов подпирать головой и руками небесный свод.

Байрон. Перевод отрывка из поэмы в канцонах австрийского поэта Иосифа Цедлица (1790—1862) «*Todtenkranz*» («Венки мертвым»). *Сия обитель* — родовое имение Байронов Ньюстэдское аббатство. *Сын Камены* — сын музыки, поэт. *Лары* — у древних духи-покровители домашнего очага. *Зерцало* — зеркало (старинная форма). *Титан ли ты...* — имеется в виду миф о Прометее, похитившем с неба огонь и передавшем его людям. За это Зевс при-

ковал его к скале и повелел орлу (по другим сказаниям — коршуну) каждый день выклевывать ему печень, которая каждую ночь снова отрастала. Сам Байрон воспел Прометея в стихотворении, названном его именем. Строфы 6—12 связаны с наиболее выразительными моментами биографии Байрона — с его «бегством» из Англии, буржуазно-торгашеский строй которой был ему глубоко ненавистен, с его скитаниями по странам Европы и Востока, о которых сам он поэтически рассказывает в «Странствованиях Чайльд Гарольда», с его участием в национально-освободительном греческом восстании, во время которого он и погиб. *Бард* — певец, славивший героев. *Страна любви* — Испания. *Альгамбра* — дворец-крепость около Гренады, замечательный памятник мавританской архитектуры. *Грозноносущий*. . . *Реин* — река Рейн, берега которой покрыты виноградниками. *Как льдистые лавины, полные срывались народы* — древнегерманские племена, неоднократно нападавшие с севера на древний Рим. *Перси* — грудь. *Рог луны*. . . и чистые остатки *Парфенона* (*Парфенон* — главный храм в древних Афинах). — Имеется в виду Греция, находившаяся под турецким игом. *Бой Отчаяния с Силой* — греческое восстание против турок, вспыхнувшее в 1821 году, в котором в 1823 году принял участие Байрон, отправившись в Грецию во главе корпуса добро-

вольцев. *На месте том, где дух певца ви-
тает.* — Греческий город Месолонгион (Мис-
солунги), где Байрон заболел тяжелой
формой лихорадки и в апреле 1824 года
умер.

«Прекрасный будет день...»
Вольное переложение стихами прозаического
отрывка из «Reisebilder» («Путевые кар-
тины») Г. Гейне (ч. III, гл. 31). *Аристо-
кратия* — устарелое произношение слова
«аристократия». *Ерева порождений.* —
Ереб — в древнегреческой мифологии мрак,
порождение хаоса.

К. Н. Н. Адресат стихотворения неизве-
стен. *Аврора* — утренняя заря.

⟨Пятое мая⟩. Перевод отрывка из
оды итальянского поэта и романиста Але-
ксандра Манцони (1784—1873) «Il cinque
Maggio» («Пятое мая»), написанной на
смерть Наполеона, умершего 5 мая 1821
года. *Два раза брошен был во прах и два
раза на трон.* — Имеется в виду провозгла-
шение Наполеона в 1804 году француз-
ским императором, его вынужденное от-
речение в 1814 году в результате пораже-
ния в войне с Россией, возглавившей евро-
пейскую антинаполеоновскую коалицию, но-
вый захват им власти на 100 дней в 1815
году и последующее окончательное падение.

Снежные горы. При первой публикации стихотворение имело не четыре, а пять строф. После первой строфы следовало:

Едва в трепещущих листах
Перебирается прохлада,
Звонок пасущегося стада
Почти замолк на высотах.

В о п р о с ы. Перевод стихотворения Г. Гейне «Fragen». «В... халдейских шапках». — Халдеи — древняя семитическая народность, представители которой славились на Востоке своей мудростью. *Гиероглифы* — устарелое слово вместо иероглифы — фигурные знаки древней письменности; переносно — непонятные, неразборчивые знаки; здесь употреблено в обоих этих смыслах.

Н о ч н ы е м ы с л и. Перевод стихотворения Гете «Nachtgedanken». *Оры* — в древнегреческой мифологии богини сменяющихся времен года и вообще мирового порядка.

П о с л е д н и й к а т а к л и з м. *Катаклизм* — разрушительный геологический переворот.

«Через ливонские я проезжал поля...» Наверяно впечатлениями от проезда Тютчева в конце мая — начале июня 1830 года (по пути в отпуск в Россию) по

восточному побережью Балтийского моря, захваченному в XII веке немецкими «псами-рыцарями» — рыцарским орденом меченосцев (ливонским орденом), жестоко угнетавшим в течение нескольких веков местное население.

«Песок сыпучий по колени...» Стихотворение, согласно авторской помете, написано *дорогой*, то есть по пути в Россию.

Альпы. Высказывалось правдоподобное предположение, что в этом стихотворении Тютчев аллегорически выразил одну из своих любимых мыслей — о национальном возрождении поработенных тогда славянских народов при помощи «старшего брата» — России.

Успокоение («Гроза прошла»). *Перунами* — молниями.

Цицерон. Написано в связи с известиями об июльской революции 1830 года во Франции. Слова «римского оратора» Цицерона заимствованы из его книги «Brutus, sive dialogus de claribus oratoribus» («Брут, или диалог о знаменитых ораторах»): «Скорблю, что, выйдя в жизненный путь несколько позже, чем следовало бы, я, прежде чем закончил дорогу, впал в эту ночь республики».

«Как дочь родную на за-
кланье...» Взятие русскими войсками
Варшавы 26 августа 1831 года, положившее
конец польскому восстанию, вызвало, с од-
ной стороны, взрыв националистического ли-
кования в русском правительственном лаге-
ре, с другой — подняло новую антирусскую
волну в буржуазных странах Западной
Европы, в особенности во Франции. Тютчев
в данном стихотворении, по своему тону в
известной мере перекликающемся с одно-
временно написанными стихами Пушкина на
ту же тему («Клеветникам России» и «Бо-
родинская годовщина»), как бы дает ответ
тем и другим. От злобных нападок на поля-
ков со стороны реакционеров из правитель-
ственного лагеря его стихи резко отли-
чаются искренним сочувствием к польскому
народу и энергично выраженными свободо-
любивыми нотками. Именно этим объяс-
няется, что некоторые места (начальные че-
тыре строки второй строфы, в которых го-
ворится о «коране самодержавия», слова об
«общей свободе» в последней строфе) в те-
чение долгого времени — с 1879 (первая
публикация стихотворения) до 1900 года —
чаще всего выкидывались, полностью или
частично, царской цензурой. Начало стихо-
творения связано с древнегреческим преда-
нием о царе Агамемноне, возглавившем по-
ход греков на Трою, и его дочери Ифиге-
нии. Агамемнон решил принести Ифигению

в жертву по требованию богини Артемиды, которая, разгневавшись на него, повелела ветрам не дуть, и потому греческий флот не мог тронуться с места. Все приготовления к жертвоприношению были сделаны, но в последний момент сжалившаяся Артемида незаметно подменила Ифигению козой, а ее перенесла на облаке в Тавриду. К таинственной мете — к таинственной цели.

Весеннее успокоение. Перевод стихотворения немецкого поэта Уланда (1787—1852) «Frühlingsruhe».

«На древе человечества высоком...» Написано, скорее всего, на смерть Гете, умершего в 1832 году, в возрасте 89 лет.

«Душа моя — Элизium теней...» Элизium — подземная страна, в которой, по верованиям древних греков и римлян, обитают тени усопших.

«Я лютеран люблю богослуженье...» Написано в Баварии, на озере Тегернзе, неподалеку от Мюнхена.

«Два демона ему служили...» Пушкин хотел напечатать это восьмистишие о Наполеоне в числе других стихов Тют-

чева, опубликованных в «Современнике», но цензурный комитет не пропустил его, найдя «непозволительным по неясности мысли автора, которая может подать повод к толкам весьма неопределенным». Тютчеву, вероятно, стало известно замечание цензурного комитета о «неясности мысли» его восьмистишия. В 1850 году в журнале «Москвитянин» было напечатано три его стихотворения под общим названием «Наполеон», связанные с его неоднократными размышлениями над личностью Наполеона, его деятельностью и его судьбой. Последним в этом цикле было стихотворение «И ты стоял...» (см. примечание к нему ниже); вторым — данное стихотворение, к которому он добавил следующие новые восемь строк:

Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Души его не озарила
И не приблизилась к нему...

Он был земной — не божий пламень,
Он гордо плыл — презритель волн,
Но о подводной веры камень
В щелы разбился утлый челн.

Смысл стихотворения стал теперь вполне ясен, отразив стремления поэта в последние десятилетия жизни стать на почву религиозно-церковного мирозерцания; но

«стихи явно потеряли не только в идейном, но и в художественном отношении.

Полдень. *Пан* — в древнегреческой мифологии бог долин и лесов, покровитель стад и пастухов; веселится в кругу нимф; в полдневный час, истомленный солнечным зноем, засыпает вместе со всей природой; час этот считался священным — ни один пастух не осмеливался в это время заиграть на свирели, чтобы не потревожить сна бога.

«Я помню время золотое...»
Младая фея — графиня Амалия фон Лерхенфельд Кеферин, вышедшая замуж за сослуживца Тютчева, первого секретаря русского посольства в Мюнхене барона А. С. Крюденер; с ней Тютчев послал весной 1836 года рукописи своих стихов (в числе их и данное стихотворение) из Мюнхена в Россию своему мюнхенскому приятелю, племяннику русского посла в Баварии кн. И. С. Гагарину; результатом этого было знакомство Пушкина со стихами Тютчева и опубликование их в пушкинском «Современнике». К ней же обращено позднейшее стихотворение: «К. Б.» («Я встретил вас — и все былое...»).

«О чем ты воешь, ветр ночной...»
Про древний хаос, про родимый. — По верованиям древних греков, хаос — зияющее

неизмеримое мировое пространство, наполненное туманом и мраком, изначальный источник всего сущего.

Сон на море. *Кимвалы* — древний ударный музыкальный инструмент в виде двух металлических тарелок. *Огневица* — лихорадка, жар. *Лавиринфы* — устарелое, вместо «лабиринты».

«Не то, что мните вы, природа...» 2-я и 4-я строфы при первой публикации стихотворения в пушкинском «Современнике» были «вымараны» по требованию цензора, протестовавшего и против замены их точками, что, по его заявлению, «намекало читателям на насильственные действия» цензуры. Однако Пушкин настоял в данном случае на своем, и точки были сохранены. «Вымаранные» строфы до нас не дошли. Как можно заключить из контекста, поэт, очевидно, высказывал в них мысли о том, что природа живет и развивается по своим собственным внутренним законам, а не «игрою внешних чудных сил», т. е. произвола «садовника» — творца мира, а цензор нашел это не соответствующим учению православной церкви и потребовал изъятия «безбожных» строф.

«В душном воздуха молчанье...»
Божественный напиток — нектар, наряду с

амброзией дававший, по верованиям древних греков, богам бессмертие.

«И гроб опущен уж в могилу...» *Пастор* — протестантский священник. *Грехопаденье, кровь Христа*. — По христианским верованиям, Христос искупил своей добровольной смертью так называемый первородный грех, тяготевший над всеми людьми и заключавшийся в том, что Адам, нарушив запрет бога, вкусил от древа познания добра и зла, за что был вместе с Евой изгнан из рая.

«Восток белел...» *Ветрило* — парус. *Выя* — шея.

«Там, где горы, убегая...» *Пресловутый* — здесь в первоначальном значении — знаменитый, славный (без иронического оттенка).

«Сижу задумчив и один...» *Злак* — здесь, в старинном употреблении этого слова, растение вообще.

«Нет моего к тебе пристрастия...» *Синель* — сирень (областное).

29 января 1837. Вызвано трагической гибелью Пушкина и озаглавлено датой его смерти по старому стилю. При жизни

Тютчева в печати не появлялось и было впервые опубликовано лишь тридцать восемь лет спустя, в 1875 году; очевидно, это объясняется негодующим тоном стихотворения по отношению к виновникам гибели Пушкина, демонстративно приравняваемой поэтом к «цареубийству».

1 декабря 1837 г. Написано в Генуе; связано с Эрнестиной Федоровной Дерберг. На самом деле «прости» не было «последним»: девять месяцев спустя (9 сентября 1838 года) умерла первая жена поэта, и он женился вторично — на Э. Ф. Дерберг.

Итальянская вилла. Элисейская тень — тень, обитающая в Элизии — стране мертвых. Стихотворение связано с той же генуэзской встречей поэта с Э. Ф. Дерберг.

«Давно ль, давно ль, о юг блаженный...» Написано по возвращении Тютчева из Генуи в северную Италию, в Турин, где он исправлял должность поверенного в делах при Сардинском дворе. *Киприда* — одно из имен богини любви и красоты Афродиты, родившейся, по древнегреческому мифу, из пены морской волны и вышедшей из моря на сушу на острове Кипре — главном средоточии ее культа.

Весна. Благоухающие слезы богини утренней зари Авроры — утренняя роса.

«С какой негой...». Повидимому, стихотворение обращено к первой жене поэта. В письме к родителям от 15 августа 1837 года поэт писал: «Мне, признаюсь, иногда очень грустно за жену. Никто на свете не знает, кроме меня, как ей должно быть на сердце».

Арфа, скальда. Скальд — древнескандинавский поэт-певец, аккомпанировавший себе на арфе.

«Живым сочувствием привета...» Обращено к великой княгине Марии Николаевне (1819—1876), дочери Николая I. Слова «пускай служить он не умеет», помимо общего значения, связаны с конкретным фактом биографии Тютчева: как раз в это время, в октябре 1840 года, за самовольную отлучку из Турина в связи с женитьбой на Э. Ф. Дернберг, поэт был уволен со службы.

〈В альбом Ганки〉. Вацлав Ганка (1791—1861) — чешский ученый и поэт; ратовал за сближение с Россией; считал, что русский язык должен стать общеславянским; пропагандировал изучение его чехами;

издал на чешском языке сборник русских народных песен, грамматику русского языка. Тютчев посетил Ганку в Праге и вписал в его альбом данные стихи, сопроводив их припиской: «Вам, милостивый государь, душевно преданный и за радушный прием вам признательный, Ф. Тютчев». В мае 1867 года, во время славянского съезда в России, организованного славянофилами в связи с этнографической выставкой в Москве, Тютчев переработал это стихотворение и приписал к нему следующие три строфы, посвященные памяти уже умершего тогда Ганки:

Так взывал я, так гласил я.
Тридцать лет с тех пор ушло —
Все упорнее усилия,
Все назойливее зло.

Ты, стоящий днесь пред богом,
Правды муж, святая тень,
Будь вся жизнь твоя залогом,
Что придет желанный день.

За твое же постоянство
В нескончаемой борьбе
Первый праздник всеславянства
Приношеньем будь тебе.

Доблий — доблестный, крепкий в добре.
Вышеград — название старинной крепости и

прилегающей к ней части города в столице Чехии Праге.

<Наполеон>. Третье стихотворение из цикла «Наполеон» (см. выше примечание к стихотворению «Два демона ему служили...»); в одном из автографов имеет заглавие «Нерешенный вопрос». Слова промолвил роковые. — В приказе Наполеона армии 22 июня 1812 года о переходе Немана и вторжении в Россию: «Россия увлекаема роком: да свершатся ее судьбы». *Новую загадку* — слова, сказанные Наполеоном на острове св. Елены: «Лет через пятьдесят Европа окажется под властью или революции, или казаков» — «seга révolutionnaire ou cosaque». ...на родину вернувшийся мертвец. — В 1841 году прах Наполеона был торжественно перевезен с острова св. Елены в Париж. ...*смотрит на Восток*. ... — в сторону России.

«Глядел я, стоя над Невой...»
Исаак-великан — Исаакиевский собор в Ленинграде.

«Еще томлюсь тоской желанной...» Написано в связи с десятилетием смерти первой жены поэта, Элеоноры Тютчевой. Смерть эта так потрясла Тютчева, что, по свидетельству очевидцев, он в одну ночь поседел от горя.

«Как он любил родные ели...»
Он — французский поэт-романтик и политический деятель А. Ламартин (1790—1869). Тютчев с ранней молодости сочувственно относился к поэзии Ламартина: в 1821 году перевел его элегию «Одиночество». К тому же времени, что и данное стихотворение, относится и другое стихотворение Тютчева о Ламартине — четверостишие на французском языке «Lamartine». После февральской революции 1848 года Ламартин вошел в состав временного правительства в качестве министра иностранных дел, а фактически и его председателя, прикрывая пышными либеральными фразами свою, по существу, контрреволюционную политику.

В одной из речей этого времени Ламартин упомянул, что он впитал «родной дух поэзии» в горах Савойи (департамент Южной Франции, на границе с Италией), где рос и воспитывался.

«Итак, опять увиделся я с вами...» Навеяно посещением родной усадьбы Тютчевых села Овстуг в б. Брянском уезде Орловской губернии; поэт здесь родился и в раннем детстве жил в летние месяцы; последние две строки снова связаны с памятью о первой жене, умершей и похороненной в Турине.

«Вновь твои я вижу очи...» *Киммерийская ночь*. — В «Одиссее» Гомера упоминается «печальная область» вечного мрака — «безотрадной ночи» — Киммерия.

«Кончен пир...» *Амфора* — у древних большой узкогорлый сосуд с двумя ручками.

Графине Р<остопчиной>. Обращено к поэтессе графине Евдокии Петровне Ростопчиной (1811—1858). *Во мле стигийской*. — По древнегреческим мифам, подземная река Стикс обтекала царство мертвых — Аид, отделяя его от мира живых. *В замке феи-нелюдимки*. — В 1850 году была опубликована стихотворная драма Ростопчиной «Нелюдимка», героиня которой, разочаровавшись в придворном обществе — «свете», удаляется в деревню. Это заключало в себе некоторые автобиографические черты. Сама Ростопчина, после опубликования ею в 1846 году баллады «Насильный брак», в которой аллегорически изображалось угнетение Польши русским царизмом, была «изгнана» из петербургского света и поселилась в Москве, где у нее собирались писатели, артисты.

Два голоса. *Пускай олимпийцы*. — По древнегреческим верованиям, боги обитали на горе Олимп.

«О, как убийственно мы любим...» Обращено, как и целый ряд стихотворений того же и последующих годов («День вечереет...», «Предопределение», «Не говори: меня он, как и прежде, любит...» «О, не тревожь меня укорой справедливой...», «Чему молилась ты с любовью...», «Я очи знал...», «Последняя любовь», «Пожары» и т. д.), к Елене Александровне Денисьевой (1826—1864). О ней см. во вступительной статье.

«Не остывшая от зною». В рукописи помета: (*дорогой*).

«В разлуке есть высокое значенье...» Написано в письме ко второй жене поэта Э. Ф. Тютчевой от 6 августа 1851 года.

«Не знаю я, коснется ль благодать...» Обращено ко второй жене поэта, Э. Ф. Тютчевой.

«Не даром милосердым богом...» *Дева* — одна из дочерей Тютчева, случайно раздавившая любимую ею канарейку.

«Ты, волна моя морская...» «*Не кольцо, как дар заветный...*» — подсказано древним венецианским обычаем обручения с

морем (см. ниже примечание к стихотворению «Венеция»).

Памяти В. А. Жуковского. Написано вскоре после смерти старшего современника и давнего знакомого Тютчева, поэта В. А. Жуковского, умершего 7 апреля 1852 года в возрасте 69 лет. *Омировы были* — перевод «Одиссеи» Гомера, которым Жуковский был занят в последнее время своей жизни (вышел в свет в двух томах в 1848—1849 годах). Заключительный стих — цитата из евангелия.

Венеция. Тема стихотворения — поражение Венецианской республики (с 1814 по 1866 год) Австрией, оковавшей ее «тяжкой цепью» иноземного господства. Поэт вспоминает в связи с этим древний венецианский обычай ежегодного символического обручения главы республики — дожа — с морем, игравшим в жизни Венеции столь важную роль. «Жених» в торжественной обстановке выезжал в Адриатическое море на особой богато изукрашенной галере — буцентавре — и бросал в воду золотое кольцо. *Тень от львиного крыла*. — Перед дворцом дожей в Венеции была сооружена колонна, увенчанная эмблемой венецианской республики — крылатым львом.

Неман. *Супостат, южный демон* — уроженец Корсики, Наполеон.

«Увы, что нашего незнания...»
Написано в письме Тютчева к Э. Ф. Тютчевой 11 сентября 1854 года.

<Эпитафия Николаю I>. Написано на смерть Николая I, умершего 18 февраля 1854 года во время Крымской кампании, обнаружившей воочию всю гнилость реакционного самодержавно-полицейского николаевского строя. *Лицедей* — старинное — актер.

«Вот от моря и до моря...» *Нить железная* — телеграфная проволока. Написано в самые критические дни героической обороны русскими войсками Севастополя, подвергавшегося, начиная с 5 августа, непрерывной бомбардировке из 800 неприятельских орудий, причинявшей огромные потери защитникам города и превратившей его в груды развалин. Мрачные предчувствия поэта («ворон черный») оправдались: через две недели, 27 августа, Севастополь пал.

«Эти бедные селенья...» Стихотворение это, созданное по дороге из Москвы в орловское имение Тютчевых Овстуг в один день с предыдущим, несомненно находится с ним во внутренней связи — подсказано не только непосредственными впечатлениями от зрелища угнетенной крепост-

ным рабством страны, но и мыслями о неисчислимых страданиях защитников Севастополя — простых русских солдат, в исключительно тяжелых условиях с беспримерным героизмом отстаивавших свою родину.

Графине Ростопчиной. Первые строки снова связаны с Крымской кампанией. Написано в связи с приездом в Петербург Ростопчиной, вынужденной с 1849 года жить в полуопале в Москве. Однако при личной встрече Тютчева с Ростопчиной сразу же обнаружилось их существенное расхождение во взглядах. В дневнике А. В. Никитенки есть запись о вечере у Ростопчиной 19 октября 1855 года, т. е. через три дня после написания данного стихотворения: «Графиня очень аристократничала, нападала на низшие сословия, восхваляла высшее дворянство. Тютчев ей очень умно возражал».

«О вещая душа моя!..» *Мария* — Мария Магдалина, по евангельскому преданию, раскаявшаяся грешница.

«Отрадно спать...» Перевод четырехстишия знаменитого итальянского художника эпохи Возрождения Микель Анджело Буонаротти. Одновременно Тютчев перевел его и французскими стихами.

1856. Вписано в канун Нового года в альбом автора исторических романов и повестей Г. П. Данилевского (1829—1890). Перед стихами Тютчев пишет: «...Вы спрашиваете, милый поэт мой, нет ли у меня мысли о наступающем годе? .. у меня собственно — никакой. Назвать вам мысль — чужая. Чья же именно? .. Это довольно трудно объяснить — да и не нужно».

Тютчев поддался модному увлечению спиритизмом, широко распространившемуся в это время в кругах дворянского общества; отсюда и «бред пророческих духов». Но несомненно, что в стихах отразились личные настроения поэта, связанные с общим кризисом его политических взглядов под влиянием Крымской кампании 1854—1855 годов.

«Все, что сберець мне удалось...» Обращено ко второй жене поэта Э. Ф. Тютчевой.

Н. Ф. Щербине. Обращено к поэту Н. Ф. Щербине (1821—1869) как автору антологических стихотворений, воспевавших природу и быт древней Греции. *Под скифской вьюгой.* — Скифы — древние народы, кочевавшие за несколько веков до нашей эры в степях, прилегающих с севера к Черному морю.

«Над этой темною толпой...»
Вызвано первыми правительственными мероприятиями по подготовке крестьянской реформы 1861 года.

Успокоение. Вольный перевод стихотворения немецкого поэта Ленау (1802—1850) «Blick in den Strom» — «Взгляд на поток».

«Осенней поздней порою...»
Белокрылые виденья — белые лебеди, жившие на царскосельских озерах. *Купол золотой* венчал собой Большой Екатерининский дворец в Царском Селе (ныне город Пушкин) — одного из замечательнейших памятников русского зодчества; варварски разрушен фашистскими изуверами во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

На возвратном пути. *Леман* — старинное название Женевского озера, находящегося на границе между Швейцарией и Францией.

А. А. Фету. Было послано Тютчевым вместе со своим портретом, о присылке которого Фет, восторженный поклонник тютчевской поэзии, автор большой статьи о ней, опубликованной в 1859 году в журнале «Русское слово», просил в стихотворном обращении к Тютчеву: «Мой обожаемый поэт...»

Н. И. Кролю. *Н. И. Кроль* (1823—1871) — драматург, поэт-сатирик, сотрудник «Искры».

Н. С. Акинфиевой. Посвящено Надежде Сергеевне Акинфиевой, племяннице министра иностранных дел кн. А. М. Горчакова (одного из лицейских друзей Пушкина). Ей же, повидимому, посвящено и стихотворение «Как ни бесилося зло-речье...»

«Утихла биза...». *Биза* — северный ветер, дующий на берегах Женевского озера. *Белая гора* — Монблан. *Одна могила* — могила Е. А. Денисьевой, скончавшейся 4 августа 1864 года.

Епсуслиса. Написано в связи с мракобесным посланием (энцикликой) главы католической реакции, римского папы, официально именуемого «наместником Христа», Пия IX, которое было опубликовано 26 ноября 1864 года; в нем к числу «заблуждений века» была отнесена также и «свобода совести», т. е. религиозных верований, мировоззрения. В первой строфе имеется в виду разрушение римлянами в 70 году н. э. иерусалимского храма.

«Весь день она лежала в забытьи...» Она — Е. А. Денисьева.

*

«Когда на то нет божьего согласия...» Обращено к дочери поэта, Дарье Федоровне Тютчевой (1834—1903).

<К столетию со дня смерти Ломоносова>. Написано 4 апреля 1865 года. *Зловещей думою томим.* — Очевидно, имеются в виду слова Ломоносова, сказанные им перед смертью академику Якобу Штелину: «Друг, я вижу, что я должен умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть. Жалею только о том, что не мог я свершить всего того, что предпринял я для пользы Отечества, для приращения наук и для славы Академии, и теперь при конце жизни моей должен видеть, что все мои полезные намерения исчезнут вместе со мной...» *Ветхозаветный борец* — древнееврейский патриарх Иаков, по библейской легенде, успешно боровшийся в течение целой ночи с неким незнакомцем, который был самим богом..

«Певучесть есть...» *Муסיкийский* — музыкальный. При первой публикации стихотворения в нем имелась еще одна заключительная строфа:

И от земли до крайних звезд
Все безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянный протест.

Другу моему Я. П. Полонскому.
Ответ на стихотворение Полонского «Ф. И.
Тютчеву» («Ночной костер зимой у пере-
леска. . .»)

15 июля 1865 года. Посвящено памя-
ти Е. А. Денисьевой.

Восход солнца. Связано с мечтами
Тютчева о национальном возрождении по-
рабощенных тогда славянских народов. Об-
раз «благовеста», т. е. торжественного коло-
кольного звона «солнечных лучей» переκλη-
кается с заключительными строфами стихо-
творения «В альбом Ганки».

Накануне годовщины. . . 4 авгу-
ста 1864 года — день смерти Е. А. Денисье-
вой. С Денисьевой связан и ряд последую-
щих стихотворений («Как неожиданно и
ярко. . .», «Нет дня, чтобы душа не ны-
ла. . .», «Есть и в моем страдальческом за-
стое. . .»).

«Тихо в озере струится». В этом
стихотворении снова дается пейзаж Цар-
ского Села (ср. «Осенней позднею по-
рою. . .»).

«Когда дряхлеющие силы. . .»
Навеяно старческими стихотворениями П. А.
Вяземского, который, по словам Тютчева,
являлся «по отношению к новым поколениям

тем, чем является для малоисследованной страны враждебно настроенный и предубежденный посетитель-иностранец» (письмо к дочери, Е. Ф. Тютчевой, от 3 января 1869 года).

«Ты долго ль будешь за туманом...» Вызвано восстанием в 1866 году населения острова Крита против иноземного турецкого владычества. В своем стихотворении Тютчев призывал русское царское правительство помочь восставшим.

Славянам. Прочитано Тютчевым 21 мая 1867 года на банкете в Москве, данном участникам славянского съезда. В качестве эпиграфа Тютчев взял агрессивный призыв реакционного австрийского министра иностранных дел графа фон Бейста, проводившего политику порабощения славянских народов, входивших в состав Австро-Венгрии.

<Эпиграмма на гр. П. А. Шувалова>. *Петр Андреевич Шувалов* (1827—1889) — шеф жандармов, крайний реакционер, облеченный в это время почти неограниченными полномочиями; отсюда и его прозвище «Петр четвертый» (были три русских императора по имени Петр). *А. А. Аракчеев* — один из наиболее реакционных и ненавистных передовым кругам русского общества деятелей царствования

Александра I, возглавлявший режим политического деспотизма и грубой военщины.

<Эпиграмма на цензурное ведомство>. Вызвана цензурными гонениями на славянофильскую газету «Москва»: менее чем за два года своего существования «Москва» получила девять предостережений и три раза приостанавливалась на длительные сроки. Через полгода с небольшим после данной эпиграммы «Москва» была вообще закрыта.

«Опять стою я над Невой...»
Последняя строка — снова воспоминание об Е. А. Денисьевой.

Пожары. Написано в связи с сильными пожарами лесов и торфяных болот под Петербургом летом 1868 года.

Мотив Гейне («Если смерть есть ночь...») Вольный перевод стихотворения Г. Гейне «Der Tod, das ist die kühle Nacht» («Смерть — это прохладная ночь»).

<Издателю газеты «Весть»>. Адресовано В. Д. Скарятину, редактору крепостнической газетки «Весть». Скарятин резко напал на славянофилов, которые, после закрытия правительством в 1868 году газеты И. С. Аксакова «Москва», не имели своего органа.

«По Третьему лишь отделению». — «Тре-

тье отделение собственной его императорского величества канцелярии» — жандармско-полицейский орган, созданный Николаем I после разгрома восстания декабристов в 1826 году.

С о в р е м е н н о е. Вызвано подготовкой к торжественному открытию Суэцкого канала, сооруженного с согласия турецкого правительства международным, главным образом французским капиталом. *Франкистанская земля* — Франция. *Мусикия* — музыка. *Коронованная фея* — жена Наполеона III, французская императрица Евгения; «дочерью Рима» она названа как католичка, «второй Клеопатрой» — потому, что при египетской царице Клеопатре существовал древний Суэцкий канал, позднее занесенный песком. В контексте стихотворения оба эти наименования носят явно саркастический характер.

А. Ф. Гильфердингу. Обращено к слависту, этнографу, фольклористу Александру Федоровичу Гильфердингу (1831—1872), принадлежавшему к лагерю славянофилов, в связи с его забаллотированием на выборах в адъюнкты Академии наук.

Ю. Ф. Абазе. Обращено к музыкантше и певице Юлии Федоровне Абазе (умерла в 1915 году).

К. Б. («Я встретил вас...»). Обращено к баронессе Амалии Крюденер, урожденной фон Лерхенфельд, которой больше тридцати лет тому назад Тютчев посвятил свое стихотворение «Я помню время золотое...»

Два единства. Прочитано Тютчевым на празднестве, устроенном 1 октября 1870 года в Петербурге Славянским благотворительным комитетом в честь принятия 13 чехами православия. Славянское единство, спаянное любовью, Тютчев противопоставляет агрессивному германскому милитаризму, вдохновлявшемуся «оракулом наших дней» Бисмарком и только что нанесшему сокрушительный удар Франции во франко-прусской войне (разгром французской армии под Седаном 1—2 сентября 1870 года, положивший конец Второй империи).

<В альбом П. А. Вакара>. Платон Александрович Вакар (1820—1899) — сослуживец Тютчева по комитету иностранной цензуры, которого поэт был председателем.

«Брат, столько лет...» Написано в связи со смертью старшего (и единственного) брата поэта, Николая Ивановича Тютчева (1801—1870).

<Князю А. М. Горчакову>. Написано в связи с обнародованной 19 октяб-

ря 1870 года кн. А. М. Горчаковым, в качестве министра иностранных дел, декларацией, в которой заявлялось, что русское правительство не считает себя больше связанным статьей 14-й Парижского мирного трактата 1856 года, ограничившего права России на Черном море. Последняя строфа направлена против трусливых и раболепствовавших перед Западной Европой представителей аристократических петербургских салонов, которые, по негодующе-презрительному свидетельству Тютчева (в письме к дочери Анне Федоровне), «краснели самым искренним образом от ужасного скандала, в коем мы провинились, отринув одной своей собственной волей статью трактата; а иные заявляли, что впредь они не решатся смотреть иностранцам в лицо...»

А. В. П л - в о й. Написано в альбом Александры Васильевны Плетневой (1826—1901), вдовы поэта, критика, друга Пушкина П. А. Плетнева, — вероятно, в связи с пятилетием со дня смерти ее мужа.

«О т ж и з н и т о й...» Написано по дороге в село Вщиж в б. Брянском уезде Орловской губернии, неподалеку от родового имени Тютчевых с. Овстуга. Близ Вщижа сохранилось несколько древних курганов.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИЗДАНИЙ СОЧИНЕНИЙ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений с критико-биографическим очерком В. Я. Брюсова, библиографическим указателем, примечаниями, вариантами. СПб., изд-ва А. Ф. Маркса.

В текстологическом отношении это издание совершенно неудовлетворительно. Ценной является данная в нем «Библиография произведений Ф. И. Тютчева». Кроме того, в нем помещены политические статьи Тютчева.

Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. Редакция и комментарии Георгия Чулкова. Вступительная статья Д. Д. Благого. М.—Л., изд-во «Academia», 1933—1934, тт. I—II.

Это первое советское издание полного собрания стихотворений Тютчева (см. о нем выше, во вводной заметке к примечаниям). Положительная сторона издания — свод вариантов и обширные примечания.

Ф. Т ю т ч е в. Стихотворения. Общая редакция и вступительная статья Вас. Гиппиуса. Редакция текста и примечания К. Пигарева. «Библиотека поэта», малая серия, «Советский писатель», 1936.

В издание (см. о нем, так же как и о следующем издании, во ввводной заметке) вошли избранные стихотворения Тютчева.

Ф. И. Т ю т ч е в. Полное собрание стихотворений. Вступительная статья и общая редакция Вас. Гиппиуса. Редакция текста и примечания К. Пигарева. «Библиотека поэта, большая серия, «Советский писатель», 1939.

Давая полное собрание стихотворных произведений Тютчева, издание в отношении текста и вступительной статьи повторяет предыдущее.

Ф. И. Т ю т ч е в. Стихотворения. Редакция, вступительная статья и комментарии К. Пигарева. Гослитиздат, 1945.

Избранное собрание стихотворений (включено около половины всего поэтического наследия Тютчева). В текстологическом отношении повторяет, за исключением единичных случаев, издание большой серии «Библиотеки поэта».

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. И. Тютчев. *Статья Д. Благого* 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

К оде Пушкина на вольность	73
Слезы.	74
К Н. («Твой милый взор...»)	76
Проблеск	77
С чужой стороны	79
Вечер	80
Cache-cache	81
Весенняя гроза	83
Могила Наполеона	84
Летний вечер	85
Видение	86
Бессонница	87
Байрон (отрывок)	89
«Прекрасный будет день», — сказал товарищ...»	97
К Н. Н. («Ты любишь...»)	100
<Пятое мая> («Высокого предчувствия...»)	101
«Ты зрел его в кругу большого света...»	104

«В толпе людей, в нескромном шуме дня...»	105
Утро в горах	106
Снежные горы	107
«Как океан объемлет шар земной...»	108
Вопросы	109
Ночные мысли	110
Последний катаклизм	111
«Через ливонские я проезжал поля...»	112
«Песок сыпучий по колени...»	114
Осенний вечер	115
Листья	116
Альпы	118
Mal'agia	119
«Сей день, я помню, для меня...»	120
Успокоение	121
Безумие	122
В дороге	123
Конь морской	124
Весенние воды	125
Цицерон	126
Silentium!	127
«Как над горячею золой...»	128
Двум сестрам	129
«Как дочь родную на закланье...»	130
Весеннее успокоение	132
«На древе человечества высоком...»	133
«Душа моя — Элизиум теней...»	134
«С горы скатившись, камень лег в до- лине...»	135
«Я лютеран люблю богослуженье...»	136

«Из края в край, из града в град...»	137
«Два демона ему служили...»	139
Фонтан	140
Полдень	141
«Я помню время золотое...»	142
«Душа хотела б быть звездой...»	144
«Яркий снег сиял в долине...»	145
«О чем ты воешь, ветер ночной?..»	146
«Поток сгустился и тускнеет...»	147
Сон на море	148
«Не то, что мните вы, природа...»	149
«В душном воздуха молчанье...»	151
«Что ты клонишь над водами...»	153
«Вечер мгмистый и ненастный...»	154
«И гроб опущен уж в могилу...»	155
«Восток белел... Ладыя катилась...»	156
«Как птичка раннею зарей...»	157
«Там, где горы, убегая...»	158
«Над виноградными холмами...»	160
«Зима недаром злится...»	161
<Сумерки> («Тени сизые смеси- лись...»)	162
«Какое дикое ущелье...»	163
«С поляны коршун поднялся...»	164
«Сижу задумчив и один...»	165
«Вчера, в мечтах обвороженных...»	167
«Как сладко дремлет сад темнозеле- ный...»	169
«Нет, моего к тебе пристрастья...»	170
«Люблю глаза твои, мой друг...»	171
«И чувства нет в твоих очах...»	172
«Еще земли печален вид...»	173

29 января 1837	174
1 декабря 1837	176
Итальянская вилла	177
«Давно ль, давно ль, о юг блажен- ный...»	179
Весна («Как ни гнетет рука судьби- ны...»)	181
«Смотри, как запад разгорелся...» . . .	183
С какою негою	184
Арфа скальда	185
День и ночь	186
Не верь, не верь поэту!	187
Лебедь	188
«Живым сочувствием привета...» . . .	189
<В альбом Ганки> («Вековать ли нам в разлуке...»)	191
<Наполеон> («И ты стоял...»)	193
«Глядел я, стоя над Невой...»	194
Колумб	195
Море и утес	196
«Еще томлюсь тоской желаний...» . . .	198
«Как он любил родные ели...»	199
<Гроза дорогой> («Неохотно и не- смело...»)	200
«Итак, опять увиделся я с вами...» . . .	201
«Тихой ночью, поздним летом...» . . .	202
«Когда в кругу убийственных забот...»	203
«Слезы людские, о слезы людские...» . .	204
«По равнине вод лазурной...»	205
Близнецы	206
Поэзия	207

«Вновь твои я вижу очи...»	208
«Как дымный столп светлеет в вы-	
шине!..»	210
«Святая ночь на небосклон взошла...»	211
Русской женщине	212
Рим ночью	213
«Кончен пир, умолкли хоры...»	214
На Неве	215
«Пошли, господь, свою отраду...»	216
«Под дыханьем непогоды...»	217
«Обвеян вещею дремотой...»	218
Графине Р<остопчиной> («Как под	
сугробом снежным лени...»)	219
«Не рассуждай, не хлопочи!..»	221
«Как ни дышит полдень знойный...»	222
Два голоса	223
«Еще шумел веселый день...»	224
«Смотри, как на речном просторе...»	226
Первый лист	227
«О, как убийственно мы любим...»	228
«Не остывшая от зною...»	230
Волна и дума	231
«В разлуке есть высокое значенье...»	232
«День вечереет, ночь близка...»	233
«Как весел грохот летних бурь...»	234
«Не знаю я, коснется ль благодать...»	235
Предопределение	236
«Недаром милосердным богом...»	237
«Ты, волна моя морская...»	238
Памяти В. А. Жуковского	240
«Сияет солнце, воды блещут...»	242
«Чародейкою зимою...»	243

«Не говори: меня он, как и прежде, любит...»	244
«О, не тревожь меня укорой справед- ливой...»	245
«Чему молилась ты с любовью...»	246
«Я очи знал, — о, эти очи!..»	247
Венеция	248
Неман	250
Последняя любовь	252
Лето 1854	253
«Увы, что́ нашего незнания...»	254
<Эпитафия Николаю I> («Не богу ты служил и не России...»)	255
«Пламя рдеет, пламя пышет...»	256
«Вот от моря и до моря...»	257
«Эти бедные селенья...»	258
Графине Ростопчиной («О, в эти дни, дни роковые...»)	259
«Так в жизни есть мгновения...»	260
«О вещая душа моя!..»	261
«Отрадно спать — отрадней камнем быть...»	262
1856 («Стоим мы слепо пред Судь- бою...»)	263
«Все, что сберечь мне удалось...»	265
Н. Ф. Щербине	266
«Над этой темною толпой...»	267
«Есть в осени первоначальной...»	268
«Смотри, как роща зеленеет...»	269
«В часы, когда бывает...»	270
«Она сидела на полу...»	272

Успокоение («Когда, что звали мы своим...»)	273
«Осенней позднею порою...»	274
На возвратном пути	275
Декабрьское утро	277
«Хоть я и свил гнездо в долине...»	278
На юбилей князя П. А. Вяземского («У музы есть различные при- страстья...»)	279
«Я знал ее еще тогда...»	282
Князю П. А. Вяземскому («Теперь не то, что за полгода...»)	283
«Играй, покуда над тобою...»	284
А. А. Фету («Тебе сердечный мой по- клон...»)	285
Н. И. Кролю («Сентябрь холодный бушевал...»)	286
Н. С. Акинфиевой («Как летней иногда порою...»)	287
«Утихла биза... Легче дышит...»	289
«Как неразгаданная тайна...»	290
Епсусіса	291
«Весь день она лежала в забвении...»	292
«О, этот юг! о, эта Ницца!»	293
«Как хорошо ты, о море ночное...»	294
«Когда на то нет божьего согласия...»	295
<К столетию со дня смерти Ломоно- сова> («Он, умирая, сомневался...»)	296
«Певучесть есть в морских волнах...»	298
Другу моему Я. П. Полонскому («Нет боле искр живых...»)	299

15 июля 1865 г.	300
Восход солнца	301
Накануне годовщины 4 августа 1864 г.	302
«Как неожиданно и ярко...»	303
«Ночное небо так угрюмо...»	304
«Нет дня, чтобы душа не ныла...»	305
«Как ни бесилося злоречье...»	306
«Есть и в моем страдальческом за- стое...»	307
«Тихо в озере струится...»	309
«Когда дряхлеющие силы...»	310
«Умом Россию не понять...»	311
«Ты долго ль будешь за туманом...»	312
Славянам	313
«Как ни тяжел последний час...»	315
<Эпиграмма на графа П. А. Шувало- ва> («Над Россией распростер- той...»)	316
<Эпиграмма на цензурное ведомство> («Печати русской доброхоты...»)	317
«Опять стою я над Невой...»	318
Пожары	319
«В небе тают облака...»	321
Мотив Гейне («Если смерть есть ночь...»)	322
<Издателю газеты «Весть»> («Вы не родились поляком...»)	323
«Нам не дано предугадать...»	324
«Две силы есть — две роковые силы...»	325
«Природа—сфинкс. И тем она вер- ней...»	327

Современное	328
А. Ф. Гильфердингу («Спешу поздравить с неудачей...»)	331
Ю. Ф. Абазе («Так — гармонических орудий...»)	333
К. Б. («Я встретил вас — и все былое...»)	334
Два единства	335
<В альбом П. А. Вакара> («Веленью высшему покорны...»)	336
«Брат, столько лет сопутствовавший мне...»	337
<Князю А. М. Горчакову> («Да, вы сдержали ваше слово...»)	338
А. В. Пл-вой («Чему бы жизнь нас ни учила...»)	339
«От жизни той, что бушевала здесь...»	340
Примечания	341
Список основных изданий сочинений Ф. И. Тютчева	379

Редакционная коллегия:

*В. Г. Базанов, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин,
А. М. Егolin, В. Н. Орлов, А. А. Прокофьев,
В. М. Саянов, А. К. Тарасенков,
А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
С. П. Щипачев:*

Редактор Л. Плоткин
Художник Л. Хижинский
Техн. редактор С. Брусиловская
Корректоры З. Петрова
и П. Суздальский

М 46752. Подписано к печати 10/XI 1953 г.
Формат бумаги 10×108/8. Дум. л. 3,07—
8,40 печ. л. Авт. л. 8,49. Уч. изд. л. 8,97.
Тираж 20 000. Зак. № 721. Цена 5 р. 60 к.
(по прейскуранту 1952 г.)

Типография № 3 Ленгорполиграфиздата

